Кричать нельзя молчать: горе как акт протеста или лояльности

Александра Сергеевна Архипова[1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Ирина Владимировна Козлова[1], [2]

✉ matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Мария Владимировна Гаврилова[1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Архипова, А. С., Козлова, И. В., Гаврилова, М. В. (2019). Кричать нельзя молчать: горе как акт протеста или лояльности. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 82–121.

Антрополог Джек Сантино и его последователи считают, что люди производят коммеморативное и политическое высказывание своим участием в создании спонтанного поминального мемориала — самим фактом принесения игрушки или фотографии. 25–26 марта 2018 года во время пожара в торговом центре в Кемерово погибло 60 человек. Возникновение после трагедии в Кемерово 335 мемориалов как минимум в 246 населенных пунктах (согласно нашей базе данных) — это симптом не только того, что люди хотят публично скорбеть по жертвам страшной трагедии, но и сильнейшего социального напряжения.
Наши полевые исследования показывают, что возникшие мемориалы не были однородны по своей природе. Мы различаем grassroots-мемориалы (созданные до официального объявления траура) и мемориалы, санкционированные властями и часто лишь имитирующие «народность».

Работа выполнена в рамках НИР «Фольклор/постфольклор в культурном пространстве города XX–XXI вв.: нарративные и поведенческие стратегии» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС.
Мы выражаем благодарность нашим друзьям и коллегам, которые терпеливо отвечали на наши вопросы, в том числе Иэну Броуди (Сидней, Канада), Екатерине Кирсановой (Томск), Михаилу Агапову (Тюмень), Александру Фокину (Челябинск), Елене Коляскиной (Бийск), Дмитрию Козлову (Архангельск — Петербург), Надежде Лищенко (Псков), Дмитрию Никитину (Йошкар-Ола), а также нашим коллегам из группы «Мониторинг актуального фольклора», которые наблюдали с нами акции в Москве (Елене Югай, Сергею Белянину, Дмитрию Доронину, Вадиму Лурье, Максиму Чупилкину) и давали ценные советы (Дарья Радченко).

Нас интересует, о чем на самом деле говорят эти два разные типа мемориалов памяти жертв пожара в Кемерово, а также как они это делают. Наше исследование позволяет сделать дополнение к теории Сантино: перформативное высказывание создается не только фактом появления мемориала в пространстве города, но и фактом выбора места и объекта в городском пространстве, возле которого мемориал размещается.
Проведенный нами количественный и качественный анализ показывает, что созданные grassroots-активистами несанкционированные мемориалы гораздо чаще возникали в центре города или района, у знака, связанного с Кемерово или с местом трагедии, у памятников матери, детям, семье. Такое послание сообщает о том, что трагедия касается всех — нас самих, наших детей и родителей: «Мы все — Кемерово». Санкционированные мемориалы, организованные мэрией, появлялись скорее у административных зданий и чаще использовали «историко-героическую» смысловую парадигму, вписывая погибших в число «сакральных жертв» Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Кемерово, спонтанный мемориал, коммеморативная акция, современный город

Screaming not silence: Grief as a protest and as manifestation of loyalty

Alexandra S. Arkhipova[1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Irina V. Kozlova[1], [2]

✉ matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Maria V. Gavrilova[1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

This research has been conducted under the research project "Folklore/post-folklore in the cultural space of the city in the 20th — 21st centuries: narrative and behavioral strategies" in the Laboratory for Theoretical Folklore Studies of the School for the Advanced Studies in the Humanities of the Institute of Social Sciences RANEPA. We express our gratitude to the friends and colleagues who have patiently answered our questions, namely Ian Brodie (Sydney, Canada), Ekaterina Kirsanova (Tomsk), Mikhail Agapov (Tyumen), Alexander Fokin (Chelyabinsk), Elena Kolyaskina (Biysk), Dmitry Kozlov (Arkhangelsk — St. Petersburg), Nadezhda Lischenko (Pskov), Dmitry Nikitin (Yoshkar-Ola), and also to our colleagues from the research group "Monitoring of current folklore", who observed actions in Moscow with us (Elena Yugai, Sergei Belyanin, Dmitry Doronin, Vadim Lurie, Maxim Chupilkin) and gave us invaluable advice (Daria Radchenko).

To cite this article:

Arkhipova, A., Kozlova, I., Gavrilova, M. (2019). Screaming not silence: Grief as a protest and as manifestation of loyalty. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 82–121.

Anthropologist Jack Santino and his followers believe that people make a commemorative and political statement with their participation in the creation of a spontaneous memorial — by the very fact of bringing there a toy or photograph. On March 25–26, 2018, 60 people died in a fire in a shopping mall in Kemerovo. After the tragedy in Kemerovo, according to our database, 335 memorials arose in at least 246 settlements. We believe this is not only a symptom of people wanting to publicly mourn the victims of a terrible tragedy, but also of severe social tension.

Our field studies show that the resulting memorials were not uniform in nature. We distinguish between grassroots memorials (created prior to the official announcement of mourning) and memorials created at the direction of the authorities and often only imitating vernacular statements.

We had conducted a quantitative and qualitative analysis, which showed that memorials created by grassroots activists more often appeared in the center of a city or district, next to a sign connected with Kemerovo or at the site of the tragedy, at the monuments to mothers, children, family. This message tells us that the tragedy affects everyone — ourselves, our children and parents: "We are all Kemerovo". Memorials organized by the mayor's office more often appeared near administrative buildings, and they used the "historical-heroic" semantic paradigm, placing the dead among the "sacred victims" of World War II.

Keywords: Kemerovo, spontaneous shrines, commemoration, urban studies

26 марта 2018 года в городе Кемерово в течение нескольких часов горел торгово-развлекательный центр «Зимняя Вишня» — практически в прямом эфире — и люди наблюдали, как посетители, запертые в нем, пытались выбраться и спасти себя и своих детей. 60 человек погибло, причем непосредственной причиной их гибели стало не возгорание, а нарушения, допущенные, по мнению многих, при строительстве здания и организации пожарной безопасности. Эта трагедия вызвала необычайно мощный эмоциональный отклик, дополнительно усиленный тем, что общенациональный траур сразу объявлен не был. Немедленно — в течение нескольких часов — в социальных сетях и на улицах стали циркулировать тексты, призывающие ко всеобщему трауру, обсуждающие истинные масштабы трагедии, пытающиеся объяснить ее причины и обличающие виновников произошедшего. Одновременно с этим — в отсутствие официального траура — жители разных городов устраивали поминальные акции на своих страницах в социальных сетях и на улицах, причем как в одиночку, так и коллективно. На улицах городов (более трех сотен) стали появляться стихийные публичные «народные места поминовения» (*спонтанные мемориалы*) и нередко — не один, а два, три или даже четыре мемориала в одном городе. Такая гражданская — и общенациональная, а не локальная — реакция на горе является совершенно новым для России явлением[1].

[1] Например, в пермском клубе «Хромая лошадь» 5 декабря 2009 года случился пожар еще большего масштаба — погибло 156 человек, однако настолько бурной реакции эта трагедия не вызвала.

Представители городской власти отреагировали на гигантское количество спонтанных мемориалов бурно и довольно своеобразно, во многих случаях создавая их «клоны», а иногда препятствуя горожанам в посещении спонтанных мемориалов.

Мы не просто фиксируем *историю* реакции людей на чудовищную трагедию. Наша статья, как ни цинично это звучит, изучает *политику горя*, и в центре нашего внимания — коммеморативные *высказывания действием*, исходящие от самых разных агентов, и конфликт этих высказываний. Создание спонтанного мемориала «низовой группой» (*grassroots*) активистов, будь то кружок вязальщиц или политические оппозиционеры — это послание, сообщающее миру не только о переживании горя, но и, как будет показано ниже, о возмущении той ситуацией, из-за которой случилась трагедия. Количество подобных высказываний суммарно породило такой сильный эффект, что локальные представители власти были вынуждены создавать свои коммеморативные высказывания, которые, по сути, являлись astroturfing'ом[2] — то есть имитацией «народного», низового движения.

Если совсем коротко, то в центре нашего исследования — не столько сами спонтанные мемориалы, сколько конфликты, связанные с коммеморативным высказыванием действием. И поэтому мы стремимся ответить на три простых вопроса. Во-первых — как и почему возникают эти множественные коммеморативные высказывания? Во-вторых — о чем они говорят на самом деле? И, наконец, в-третьих — из-за чего они *должны были* оказаться в конфликте друг с другом? Для ответа на них мы сначала рассмотрим, зачем вообще создаются спонтанные мемориалы, и как властные институты перехватывают низовые инициативы — чтобы в дальнейшем в свете этих теорий и наблюдений проанализировать развитие реакции на трагедию в Кемерово.

Но прежде чем перейти к теории, необходимо объяснить, как в течение года мы собирали материал для исследования. Во-первых, 27 марта 2018 года группа «Мониторинг актуального фольклора»[3] наблюдала две акции памяти в Москве: на Манежной и на Пушкинской площадях. В дальнейшем наша группа вела эпизодическое наблюдение за мемориалами Москвы в течение дальнейших двух недель (до 12 апреля). Во-вторых, мы «на месте» проинтервьюировали одиннадцать участников спонтанного поминовения, а также записали двенадцать интервью с жителями десяти городов[4], которые рассказывали нам о жизни и смерти спонтанных мемориалов в их городах постфактум. В-третьих, одновременно с полевой работой в первые дни и даже часы после трагедии нами был проведен мониторинг социальных сетей: мы фиксировали коммеморативные практики и тексты, реагирующие на трагедию, в социальных сетях и мессенджерах.

[2] Подробнее об этом см. далее.

[3] А именно: Александра Архипова, Мария Гаврилова, Ирина Козлова, Елена Югай, Сергей Белянин, Дмитрий Доронин, Вадим Лурье, Максим Чупилкин.

[4] Интервью записаны от жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Томска, Иркутска, Бийска, Челябинска, Миасса, Йошкар-Олы, Пскова.

И наконец, для количественного анализа нами были составлены две базы данных. Первая из них содержит сведения о создании 335 спонтанных мемориалов в 246 населенных пунктах России[5]; данные для этой базы мы получали со слов очевидцев, из постов в социальных сетях и публикаций в региональной прессе. Вторая база данных содержит плакаты с акции памяти на Пушкинской площади в Москве и включает 68 эксплицитных знаков высказываний (плакатов).

Что такое спонтанный мемориал, и зачем он нужен?

Начиная с конца 1960-х годов городские жители в разных странах Европы и Северной Америки, да и мира в целом, часто сталкиваются с относительно новым способом почитания памяти умерших[6]. Люди, зачастую не имеющие никакого отношения к усопшим, оставляют на месте их гибели или в неких значимых местах композиции из цветов, свечей, записок, граффити и памятных предметов. Как правило — и для нас это очень важный факт — спонтанные святилища посвящают не просто умершим, но людям, погибшим внезапно и/или при ужасных обстоятельствах.

Англоязычная литература по спонтанным мемориалам весьма обширна: этот тип коммеморации активно изучается за рубежом с конца 1980-х годов. Материалом для многочисленных исследований уже стали спонтанные мемориалы в странах Южной, Западной и Центральной Европы[7] и Латинской и Северной Америки[8], а также Азии и Австралии. Известные нам статьи о спонтанных мемориалах в основном обсуждают следующие проблемы: собственно, этнографическую («жизненный цикл» таких мемориалов, локальную специфику, преемственность с традиционными формами коммеморации); социальную (роль масс-медиа в их распространении и стандартизации, роль мемориалов в «низовой» консолидации сообществ, связь мемориалов как материальных объектов с акциями и перформансами); психотерапевтическую (как спонтанные мемориалы помогают справиться с эмоциями и преодолеть травму)

[5] В нашей базе содержатся сведения по 246 городам: 15 городам-миллионникам, 115 — с населением от 100 тысяч до миллиона, 103 — с населением от 100 до 10 тысяч жителей, и 13 городам, селам и поселкам с населением меньше 10 тысяч жителей. Скорее всего, нам удалось охватить не все населенные пункты, в которых возникали спонтанные мемориалы: мы выбирали только те случаи, где точно встречалась информация о появлении спонтанного мемориала, не учитывая случаи, когда говорилось только об акции памяти и не было информации про мемориал.

[6] Считается, что спонтанная мемориализация начала распространяться примерно с середины 1960-х годов, а прочно в привычный репертуар форм коллективной скорби она вошла с начала 1980-х. Происхождение этой практики связывают с римско-католическими традициями почитания святынь, и ее распространение прослеживают из стран Латинской Америки и Южной Европы [Margry, Sánchez-Carretero 2011: 6–8].

[7] Например, исследования, посвященные мемориалам в честь принцессы Дианы, жертв политических убийств, терактов, устроенных боевиками ИРА и ИГИЛ, резни в Сребренице, жертв мафии и др.

[8] Например, исследования, посвященные придорожным крестам в память о жертвах автокатастроф, мемориалы в честь знаменитостей — Элвиса Пресли, Майкла Джексона и др., мемориалы в честь погибших и пропавших без вести участников войны во Вьетнаме, мемориалы в память о жертвах взрыва в Оклахома-сити, атаки 11 сентября 2001 года на башни Всемирного торгового центра, стрельбы в школе Колумбайн и др.

и, наконец, собственно коммеморативную (превращение спонтанной памяти и скорби в «наследие»).

Подробный аналитический обзор исследований спонтанных мемориалов не является задачей этой статьи. Ниже мы разберем только три подхода к исследованиям спонтанных мемориалов, которые, как мы надеемся, позволят нам понять всё то, что произошло после трагедии в Кемерово.

В 1990-е годы среди антропологов была популярной «психоаналитически-социальная» интерпретация этого явления. Например, Шерил Йоргенсон-Ярп и Лори Ланзилотти, соединив теории ритуала и травмы, видят в спонтанном мемориале ритуальное действие, выполняющее психотерапевтическую функцию. Для преодоления хаоса, который приносит смерть значимого человека, пассивного индивидуального «горевания» недостаточно. Так же, как и ритуал в традиционном смысле слова призван выстраивать порядок в хаосе и бессмысленности происходящего, создание спонтанного мемориала — это часть «ритуала перехода» в его современном виде. Это действие предоставляет участникам поминовения набор средств для публичных высказываний и преодоления травмы и именно поэтому лиминальный период после травмы оказывается «рассадником творчества»: каждый приносит к спонтанному мемориалу свою игрушку, фотографию или стихотворение. Это помогает скорбящим привнести в хаос, вызываемый смертью, хоть какие-то структуру и смысл [Jorgensen-Earp, Lanzilotti 1998]. Другими исследователями отмечалось, что ритуал изменяет свою форму в ответ на запросы меняющегося общества, когда в условиях устойчивой предсказуемой жизни случается нечто непредвиденное [Ханней, Леймер, Лоури 2016].

Второе актуальное направление исследований спонтанных мемориалов фокусируется на преемственности между спонтанными формами поминовения жертв трагедии и дальнейшим «официальным» увековечением памяти о них в постоянном мемориале. Мемориалы, как официальные, так и спонтанные, вписывают травму в некоторый текст и таким образом делают ее частью истории и местной идентичности. Нарративы официального и спонтанного мемориала могут не совпадать и зачастую не совпадают. В ряде случаев между ними возникает смысловой «зазор» — например, когда сотрудники архива или музея стараются сохранить свидетельства народной памяти и скорби для экспозиции, но при этом сознательно или бессознательно осуществляют селекцию одних форм народного высказывания в ущерб другим [Miloševi ć 2018].

Иногда случаются конфликты форм памяти и связанных с ними нарративов. Например, в начале 1980-х ветераны войны во Вьетнаме решили создать мемориал в память о погибших сослуживцах. Политики, комментируя этот проект, подчеркивали необходимость продемонстрировать единство нации, патриотизм и героизм солдат — поэтому место для создания мемориала было выбрано в районе памятника Аврааму Линкольну. В то же время простые люди, которые жертвовали деньги в фонд памятника, высказывались в своих письмах о страданиях самих солдат, как живых, так и погибших, а также о той

боли, которую они испытывают, потеряв близких. Некоторые из этих людей даже писали, что, хотя они всегда выступали против войны во Вьетнаме, им очень жаль солдат, и поэтому они жертвуют деньги на мемориал. Согласно первоначальному дизайну мемориала, он говорил не о патриотизме и славе, а о горе и скорби — чем напоминал мемориалы в честь погибших южан во время гражданской войны в США. Однако это понравилось далеко не всем, поэтому в итоге две черные гранитные стены с именами погибших решили дополнить флагом США, реалистичными статуями трех героических солдат и надписью: «Боже, благослови Америку». Тем не менее, на церемонии открытия памятника, куда съехались многие ветераны, о героизме и патриотизме говорили мало, но зато много — о скорби и личных переживаниях тех, кто потерял на войне близких. Открытие мемориала сопровождалось шествием, которое не только не было похоже на военный парад, но и являлось, по сути, антивоенной акцией, которая демонстрировала преданность не столько стране, сколько погибшим [Carlson, Hocking 1988, Bodnar 1992].

В 2006 году была опубликована небольшая, но уже ставшая хрестоматийной статья Джека Сантино [Santino 2006][9]. В ней спонтанные мемориалы[10] рассматриваются в свете теории высказываний — и так появился третий подход к исследованию спонтанных мемориалов. Сантино делает простое и изящное утверждение. Любое действие в пространстве, так или иначе связанное с жертвами (перекресток ли дорог, где разбился автобус, или Большой Москворецкий мост, где убили Бориса Немцова) — принесение фотографии, молчаливое стояние, складывание в кучу цветов, свечей и мягких игрушек и даже подравнивание и охрана этой кучи — является «двойным высказыванием».

С одной стороны, люди приносят фотографии погибших, атрибуты их профессиональной деятельности, игрушки и цветы и, обращаясь не к узкому кругу родственников и друзей покойного/покойных, а к широкой публике, рассказывают об этой гибели и призывают помнить их всегда — в этом заключается *коммеморативная* функция мемориала.

С другой стороны, принесение на мемориал плюшевого медвежонка или каски пожарного[11] представляет собой высказывание, самой своей публичностью демонстрирующее, что все мы должны обратить внимание на эту трагедию и на скрывающиеся за ней проблемы. Ровно поэтому Сантино и называет эту составляющую поминального ритуала *перформативом*, следуя логике Джона Остина, который первым обратил внимание на существование в языке особых высказываний, способных

[9] Перевод этой статьи Джека Сантино см. в этом номере.

[10] То, что мы называем «спонтанными мемориалами», Сантино называет spontaneous shrines — то есть «спонтанные места поклонения» или «спонтанные святилища». Термин «спонтанный» подчеркивает то, что эти места поклонения являются в подлинном смысле «народными», не инициированными никакими институциями. Слово «святилища» сообщает о том, что перед нами, с точки зрения автора, нечто большее, чем просто знак народной памяти — это также место символической коммуникации с умершими и средство воздействия на аудиторию.

[11] Как в случае мемориала в честь теракта 9/11 в Нью-Йорке.

менять действительность[12]. Цель как перформативных высказываний, так и поминальных действий-перформативов — непосредственно повлиять на ситуацию, заставлять нечто свершаться.

Другими словами, для создателей спонтанных мемориалов важно не просто почтить память умерших, но и высказаться по тому социально-политическому вопросу, который связан с трагической гибелью людей. Спонтанные мемориалы стремятся привлечь проходящую мимо публику на свою сторону — именно поэтому они возникают в публичных и посещаемых местах, где люди живут обычной жизнью. Тем самым и создатели мемориала, и его посетители пытаются мобилизовать людей на действие, которое поможет решить проблему. И эта мобилизация вернакулярна — то есть она происходит вне всяких институтов, а иногда, как покажет нам история с Кемерово, и вопреки им.

В эпоху после Сантино спонтанные мемориалы во многих исследованиях рассматривались как протестные высказывания, более или менее явно обвиняющие кого-то (часто — именно власть) в том, что произошло — что, естественно, оказывается почвой для конфликтов. По мнению Петера Маргри и Кристины Санчез-Карретеро, рост популярности спонтанной мемориализации в 1960-х годах в Европе и США связан с развернувшейся в то время борьбой за гражданские права [Margry, Sánchez-Carretero 2011: 8]. Однако это далеко не единственная причина возникновения трений. Поскольку создание спонтанного мемориала является, по сути, символическим захватом частного или общественного пространства, конфликт, например, может разгореться между собственниками территории, администрацией и теми, кто считает место гибели «святым», а потому — неприкосновенным [Senie 2006: 44–45, Margry, Sánchez-Carretero 2011: 8–9].

Кроме этого, спонтанный мемориал может интенсифицировать уже существующие связи и стать важной частью общей истории локальной группы [Senie 2006: 44–46, Margry, Sánchez-Carretero 2011: 2–4, Milošević 2018]. Участники поминовения возле спонтанного мемориала делают не столько политическое, протестное высказывание, сколько заявляют о солидаризации в рамках одного сообщества.

Итак, гипотеза Сантино и его последователей содержит очень сильное утверждение о двойном высказывании мемориала — коммеморативном и политическом — или даже тройном, если учесть выражение локальной идентичности. Но верна ли она для российского случая?

Российский антрополог Анна Соколова, которая активно проводила исследования спонтанной мемориализации в 2010–2015 годы, утверждает, что при прочих равных «чем более несправедливой представляется участникам практики смерть людей или неверной кажется реакция государства, тем вероятнее возникнет мемориал» [Соколова 2014: 73]. Например, массовое коллективное поминовение в 2010 году убитого в драке болельщика Егора Свиридова было вызвано не столько самим

[12] Например, когда распорядитель в ЗАГСе говорит: «Объявляю вас мужем и женой», она произносит слова, которые сами по себе меняют социальную действительность [Остин 1999: 17].

фактом его убийства, сколько безнаказанностью виновных в нем дагестанцев. Аналогичным образом болельщики команды ярославского хоккейного клуба «Локомотив», погибшей в авиакатастрофе в сентябре 2011 года, считали, что крушение самолета произошло из-за того, что преимущество в ярославском аэропорту отдавалось правительственным бортам, прибывавшим на Мировой политический форум — поэтому и возник мемориал[13].

Однако в той же работе 2014 года Анна Соколова отмечает, что «отечественные создатели спонтанных мемориалов гораздо менее четко эксплицируют и артикулируют перформативную сторону своего участия в данной практике. Нами не зафиксированы случаи прямого указания на некоторую социальную и/или общественную проблему» [Соколова 2014: 75]. При этом исследователь оговаривается, что встречаются на спонтанных мемориалах и плакаты с прямыми политическими высказываниями, но это единичные случаи, представляющие собой исключения из общего правила.

Однако читатель увидит в этой статье, что кейс коммеморации жертв трагедии в Кемерово устроен не совсем так, как описывает выше Анна Соколова предыдущие российские кейсы. В создании спонтанных мемориалов в 2018 году появляется не только коммеморативное, но и политическое высказывание, а в некоторых случаях — указание на локальную идентичность.

И дело не только в том, что для России практика создания спонтанных мемориалов является еще более новой и непривычной, чем для Европы и Северной Америки, и зачастую люди не знают, как выразить свои эмоции в ситуации катастрофы.

Да, конфликты между официальной и вернакулярной памятью — не уникальное явление — примеры этого можно найти в книге [Bodnar 1992]. Специфика российского кейса заключается, во-первых, в том, *как именно* предлагают помнить жертв катастроф grassroots-активисты и представители власти[14]. А вот «во-вторых» еще более существенно. В большинстве конфликтных случаев речь идет о попытке «захвата» властью *самой формы* народного поминовения. Похоже, что кейс Кемерово — это случай, когда власти попытались сфальсифицировать спонтанную коммеморацию жертв трагедии, чтобы нивелировать протестный посыл «народного» мемориала. Других аналогичных примеров подобного поведения мы не знаем. Чтобы понять, как это устроено, мы должны отвлечься от темы собственно коммеморации и обсудить, что такое перехват акции в российском политическом контексте.

[13] И напротив, когда в Тюмени в 2012 году разбился самолет авиакомпании «ЮТэйр», авиакомпания и власти Тюменской области сразу же отреагировали на случившееся, выплатили родственникам погибших компенсации, организовали похороны, объявили в регионе траур. Так как эти действия были расценены обществом как адекватные, спонтанная мемориализация не произошла [Соколова 2014: 74].

[14] Репертуар официальной коммеморации в нашей стране связан в основном с памятью жертв Великой Отечественной войны, и это оказывает влияние на официальные практики поминовения.

Перехват, присвоение, astroturfing: как российская власть взаимодействует с «низовыми акциями»

В 2015 году Москва праздновала присоединение Крыма. Во время митинга-концерта на Васильевском спуске нашими наблюдателями среди прочих лозунгов были замечены большие плакаты, нарисованные от руки, на которых гигантскими буквами были выполнены надписи «Обама, приезжай в Ялту, поговорим» (и фотография Рузвельта и Черчилля на переговорах в Ялте в 1945 году). Удивительным оказался не сам плакат, а другое: несмотря на то, что он был сделан подчеркнуто рукописным образом в стилистике пионерской стенгазеты (большие разноцветные буквы, сделанные по трафарету), точных копий этого плаката мы насчитали не менее шести штук. Мало того — при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это вообще не рукописный плакат, а типографское издание, имитирующее рукописное. Перед нами классический пример *фабриката*[15], имитирующего grassroots-движение, в данном случае — «голос народа» на плакате. Для чего организаторы провластных митингов делают псевдорукописные плакаты? Ответ довольно очевиден: такие плакаты имитируют «низовую» инициативу, «голос народа». Цель фабриката — показать журналистам, что российский народ одобряет политические решения элит.

Такой фабрикат называется ужасным для русского уха термином *astroturfing* [Walker 2014]. Для того чтобы лучше понять, что это такое, нам надо присмотреться к термину *grassroots* (буквально «корни травы»). Так политологи, социологи и антропологи называют низовые движения активистов, которые не представляют собой какой-либо институт и не воплощают осознанно в своих действиях чужую волю. У grassroots-движений есть одна особенность: они могут становиться очень популярными и захватывать умы большого количества людей. Поэтому во многих случаях выступление от лица grassroots может принести существенную пользу другому игроку — например, корпорации. Таким образом можно распространить какой-либо продукт в коммерческих целях или, наоборот, саботировать его продажу, можно набрать дополнительные голоса на выборах и многое другое. Для этого и создается astroturfing — имитация низового движения grassroots. Этот термин образован от названия искусственной травы, которую высаживают на газоне, чтобы издали он казался красивым и настоящим.

В коммерческой сфере astroturfing используется для того, чтобы принести прибыль, а в политической — чтобы изобразить подлинный голос народа и «перетянуть одеяло на себя». Поэтому прием astroturfing оказывается очень удобным в современной России в том случае, когда низовую протестную акцию (удивительным образом) не запрещают.

[15] Когда мы говорим о «фабрикате», мы используем терминологию Ирвинга Гофмана, который понимает под фабрикацией намеренное искажение системы фреймов, направленное на введение в заблуждение участников взаимодействия [Гофман 2004].

У российского политического astroturfing'а две модификации. Первая — назовем ее *перехват* — ставит своей целью уничтожение или нейтрализацию первичной низовой акции. Вторая модификация — это *присвоение*. В этом случае задачей является не полная нейтрализация оригинальной акции, а использование ее формы (полное или частичное) для достижения собственных целей. Внешне результаты действия перехвата и присвоения могут выглядеть похоже, но они значительно различаются по своей функции.

Мы считаем перехватами случаи, когда акция-X планируется низовыми активистами (grassroots-активистами), а представители власти (как правило, локальной — мэрия, муниципалитет) объявляют акцию-X', слабо отличимую от акции-X по внешним признакам. Акция-X' будет санкционированной, но проходить она будет чуть позже или раньше, и часто — на другой площадке, как правило, не обладающей символическим значением и/или социальным престижем, а потому безопасной для власти. В результате подобных усилий потенциальные участники акции оказываются дезориентированы, они не понимают, куда идти. Эта ситуация часто приводит к конфликтам в оргкомитете акции-X, и на оригинальный митинг приходит меньше людей, либо общее число участников «размазывается» между двумя мероприятиями, и сила каждой из акций в итоге снижается. Так может быть достигнута цель перехвата: нейтрализация оригинальной акции в ситуации, когда прямой запрет кажется представителям власти нежелательным.

Недавний пример перехвата[16] — история вокруг акции в поддержку журналиста Ивана Голунова, арестованного в июне 2019 года по сфабрикованному обвинению в распространении наркотиков. История ареста Голунова получила огромный резонанс, и в Москве на 12 июня российскими журналистами и активистами была назначена акция поддержки [В Москве… 2019, 9 июня]. Несмотря на то, что она была не согласована (что было чревато задержаниями полицией), туда первоначально собиралось пойти большое количество людей[17]. Представители мэрии и силовики попытались отговорить москвичей от участия в акции. Когда стало понятно, что это невозможно, накануне запланированного протеста была объявлена альтернативная согласованная акция 16 июня с

[16] Более сложным оказался вариант с митингом против пенсионной реформы в сентябре 2018 года в Санкт-Петербурге. 16 сентября 2018 года в 13:00 должен был проходить митинг, заявителями которого выступала коалиция «Петербург против». У акции на Площади Ленина администрация города отозвала данное ранее согласование, но дала согласование на тот же день на 11:00 заявителям митинга «обманутых дольщиков» в Свердловском саду, находящемся в километре от Площади Ленина. Всех людей, приходящих на пенсионный митинг, сотрудники полиции и ОМОНа «провожали» в Свердловский сад. Получился косвенный перехват через третью инстанцию — то есть через другую оппозиционную, но менее радикальную гражданскую инициативу — и в менее престижном месте. В качестве компенсации организаторам антипенсионного митинга была предоставлена возможность выступления со сцены вперемешку с выступлениями обманутых дольщиков, однако их речи подвергались цензурированию со стороны полиции. В этом случае перехват в целом удался, поскольку альтернативной акции по пенсионной повестке проведено не было. Участники антипенсионного протеста остались недовольны, и часть из них, заметив цензуру в отношении речей выступающих, демонстративно покинула митинг в знак протеста.

[17] «На момент публикации желание участвовать в акции на странице высказали 1,4 тысячи человек» [В Москве… 2019, 9 июня].

той же повесткой[18]. Задача была понятна: снизить количество людей, готовых выйти на улицы 12 июля. Как показывают полевые наблюдения исследовательской группы МАФ, в реальности эта задача была выполнена лишь частично: хотя многие участники послушались призывов и не вышли, количество участников все равно было заметным (мы оцениваем его в 5 тысяч человек). В то же время на акцию-Х' вышло около 600 человек [«Иван Голунов… 2019, 16 июня].

Еще один случай попытки перехвата, на этот раз коммеморативного — это более близкая к теме статьи история вокруг акции «Возвращение имен» в 2018 году в Москве. Уже тринадцать лет (с 2007 года) 29 октября москвичи приходят к камню, привезенному с Соловков, чтобы прочитать вслух имя погибшего в сталинских лагерях — это может быть имя родственника, имя, взятое из исторических источников, или одно из имен репрессированных людей, написанных на листочках, которые раздают волонтеры акции. Для «Возвращения имен» очень значимо место размещения камня — он стоит напротив знаменитого здания КГБ-ФСБ на Лубянке (так называемый «госужас»). Таким образом участники акции из года в год напоминают сотрудникам спецслужб как правопреемникам КГБ/ВЧК/ОГПУ о совершенных ими преступлениях и о невозможности их забыть. Символическое поминовение именно в этом месте имеет решающее значение: об этом многие участники говорили представителям нашей исследовательской группы в интервью во время акции.

В 2017 году был открыт памятник жертвам сталинских репрессий на проспекте Сахарова. В 2018 году московская мэрия, ссылаясь на необходимость реконструкции площади, решила запретить поминовение у Соловецкого камня и перенести его с Лубянки к новому «официальному» памятнику. Это инициировало бурные обсуждения того, что, если общество ей в этом уступит, то в дальнейшем проводить не только «Возвращение имен», но любые другие акции под окнами ФСБ будет невозможно. Кроме того, во время обсуждения в социальных сетях неоднократно встречались конспирологические слухи, что этот перенос вызван растущим недовольством акцией среди высокопоставленных сотрудников ФСБ. Новый памятник на проспекте Сахарова не обладал никаким символическим наполнением, и перенос действия туда создавал для людей, вовлеченных в этот коммеморативный процесс, бессмысленный фабрикат. Возмущение было настолько большим, что в 2018 году акцию от Соловецкого камня убрать так и не удалось; более того, она оказалась даже более массовой, чем в прошлые годы.

Присвоение ставит перед собой другую задачу: не нейтрализация оригинала, а использование его формы в своих целях. В известных нам примерах присвоить пытались и политические, и коммеморативные акции. Так, неудачной попыткой присвоения grassroots-акции оказался случай с

[18] Часть журналистов, в том числе руководители «Медузы», признали, что «переговоры с мэрией по поводу завтрашней акции зашли в тупик», и предложили не выходить 12 июня на улицу, а дождаться согласованного митинга. В то же время, мэрия Москвы согласовала назначенную на 16 июня акцию в поддержку Голунова на проспекте Сахарова [Руководители «Медузы»… 2019, 19 июня].

«Монстрацией»[19]: в 2016 году сотрудница новосибирской мэрии организовала «Всешествие», в котором была старательно воспроизведена форма и функция оригинальной акции. Однако при этом цель организаторов заключалась в том, чтобы убрать неудобное шествие с центральной улицы на периферию, не вызывая при этом возмущения прямым запретом. Они ввели участников в заблуждение, сохранив форму акции, но изменив ее локацию. Предсказуемым образом участники остались недовольны «Всешествием», и идея мэрии развития не получила [Белянин 2017].

Самым известным, сложным и в определенной степени удачным примером присвоения акции является история с «Бессмертным полком». Как мы показывали в наших исследованиях [Архипова, Кирзюк, Козлова 2018], участники акции могут выходить, держа портрет деда, но с совершенно разными мотивировками (например, одна из них — поддержать память о предке-фронтовике и «додать» ему те почести, которые он не получил при жизни). Однако у «Бессмертного полка» есть еще и сценарист-организатор, который создает из суммы их «тел» совершенно другое высказывание, и это уже не культ предка, а репрезентация для внешнего зрителя идеального социального порядка.

Коммеморативная «война», которая развернулась в траурные дни после трагедии в Кемерово, тоже закончилась использованием приемов astroturfing'а в форме и перехвата, и присвоения. В нашем случае перехватом мы называем ситуацию, когда сначала grassroots-активисты делали свой мемориал, а после того, как траур стал официальным, при поддержке мэрии — прямой или косвенной — создается другой мемориал. Присвоением в данном случае считается, когда официальные лица «вклинились» на начальном этапе в создание спонтанного «мемориала» и постепенно взяли на себя роль grassroots-активистов: провели официальную «акцию памяти» у стихийно возникшего накануне мемориала, на которую активно «приглашали» жителей города почтить память погибших. В результате мемориал, начинающийся по «низовой инициативе», далее создавался уже при поддержке представителей институтов.

Реакция на пожар в «Зимней Вишне»

Прежде чем мы перейдем к анализу коммеморативных высказываний действием, нам необходимо проанализировать структуру социального конфликта вокруг пожара в Кемерово.

Пожар в торгово-развлекательном центре, в ходе которого погибли 60 человек (из них 37 — дети), начался вечером 25 марта[20] 2018 года и продолжался до утра 26 марта. В здании оказались грубо нарушены требования пожарной безопасности: пожарные выходы были заблокированы, а пожарную сигнализацию и систему пожаротушения отключил охранник[21].

[19] Так называется шествие на 1 Мая с абсурдными плакатами, впервые организованное 15 лет назад новосибирским художником Артемом Лоскутовым.

[20] Первый звонок в МЧС поступил 25 марта в 16:04 по местному времени.

[21] В дальнейшем после ряда экспертиз пришли к выводу, что причина пожара — короткое замыкание: снег на крыше растаял, крыша протекла, вода попала на провода над бассейном с поролоновыми кубиками в игровой зоне. При этом автоматические выключатели тока не сработали, а продолжавшая работать вентиляция раздула огонь.

Тринадцать человек выбрались с четвертого этажа на крышу, некоторые выпрыгивали из окон. Сотрудники кинотеатра вывели наружу людей из двух кинозалов, а про зрителей зала № 2 забыли[22]. Аварийный выход был закрыт на замок, и двадцать три человека погибли в коридоре между кинозалами. Шестнадцать человек — у запертого на два замка пожарного выхода.

Трагедия в Кемерово произошла на фоне общего снижения доверия граждан к властным институтам в течение последних нескольких лет, в то время как уровень межличностного доверия продолжал оставаться сильным [Vakhshtayn, Bardina, Stepantsov 2015], а по некоторым данным, даже вырос[23]. Другими словами, люди в 2018 году были склонны меньше доверять высказываниям представителей властных инстанций, чем словам соседей, друзей, коллег и родственников[24]. Такой раскол способен привести к тяжелым последствиям, особенно если появляется соответствующий триггер. Именно такую роль сыграло отсутствие своевременного предоставления государственными СМИ информации о том, что происходит в Кемерово 25 и 26 марта.

Вечером 25 марта и утром 26 марта сообщений о чудовищном пожаре по федеральным каналам почти не было, в центральной части России эта информация в сетке вещания появилась только во второй половине дня 26 марта. Люди узнавали о происходящем в основном из устных сообщений (например, через звонки родственников) и из социальных сетей. Это само по себе вызвало шок и раздражение и привело к распространению в социальных сетях текстов специального протестного жанра: «картинок»-сравнений, где на одной половине изображения размещается фотография горящего здания, а на другой — перечень развлекательных программ центрального ТВ.

Значительное раздражение вызвали действия и высказывания представителей власти — многие сочли их неадекватными. После звонка о пожаре кемеровское отделение МЧС создало кризисный штаб, в помещении которого, по сообщению журналистов [Ивитс 2018, 2 апреля], первым делом повесили портреты Владимира Путина и губернатора Кемеровской области Амана Тулеева. В социальных сетях начали распространяться тексты, авторы которых возмущались поведением администрации города и сотрудников кризисного штаба, которые не давали полную информацию и не отвечали на вопросы обеспокоенной общественности:

> Бомбит с этой ситуации связанной с пожаром в ТЦ Кемерово. Администрация стоит и нагло врёт. Ни на один вопрос они не ответили, всё время переводят стрелки. На-

[22] В СМИ и социальных сетях в первые дни после трагедии была популярна версия, что двери в зале заперли билетеры, чтобы не допускать на сеанс безбилетников.

[23] Обсуждение падения уровня доверия к властным институтам можно прочитать, например, в годичном обзоре «Левада-Центра»: http://www.levada.ru/tag/doverie/page/2/

[24] Меньше чем через месяц после трагедии в Кемерово ситуация оставалась крайне противоречивой: 41% опрошенных полагал, что власти не сообщают всей правды о пожаре и погибших в нем людях, а 46% россиян все-таки склонны были верить сообщениям из официальных источников информации [Трагедия в Кемерово 2018, 26 апреля].

род просит правды, а не лжи. Я не знаю, почему молчит СМИ? ‹…› Покажите полное видео с камеры наблюдения, а не маленькие кусочки ‹…›[25].

Сам Тулеев на пожаре не появился. По формулировке чиновников из администрации Кемерово, его кортеж не приехал, «чтобы не затруднять подъезд спасательных служб», — на что горожане отреагировали словами о том, что губернатор должен был прийти к «Зимней Вишне» пешком [Тулеев не приехал… 2018, 26 марта]. Ситуация накалилась еще сильнее, когда Тулеев извинился за трагедию перед Путиным: «Владимир Владимирович, вы лично звонили мне. Еще раз спасибо великое. Прошу прощения лично у вас за то, что случилось на нашей территории» [Тулеев извинился… 2018, 27 марта], — но не стал извиняться перед родственниками погибших.

Утром 27 марта в Кемерово прибыл Владимир Путин, из-за чего в городе перекрыли центральные улицы. Президент возложил цветы к стихийному мемориалу — в полном одиночестве и на «зачищенной» от горожан площади. Несмотря на то, что президент все-таки приехал на место катастрофы, многие жители города сочли, что он ведет себя не так, как подобает президенту страны в трагической ситуации[26].

Раздражение от недостаточной информации, которая выглядела как намеренное занижение масштаба трагедии, привело к тому, что люди, и так не слишком доверяющие государственным институтам, немедленно обратились в поисках «правдивой информации» к тем источникам, которым они доверяют больше — то есть к свидетельствам, полученным от друзей и знакомых устно или через социальные сети. Часть таких свидетельств сообщала фактическую информацию, тогда как остальные преувеличивали или фантазировали на тему трагедии. Вечером 25 марта появляется несколько подобных «свидетельств».

Первой — и самой мощной по количеству текстов и сюжетов — оказалась волна слухов о том, что власти скрывают истинное количество погибших. В сообщениях фигурировали цифры в 130, 170 и даже 400 человек[27]. По слухам, люди горели целыми семьями[28], из поселков приехали дети

[25] М., пост в «ВКонтакте». Орфография и пунктуация автора поста.

[26] Слыша звуки перемещения президентского кортежа по городу, родственники жертв, находившиеся на митинге перед зданием областной администрации, кричали: «Путин, мы же — твоя команда! Где же ты, *****, когда мы горим?». На новость, что Путин уже возложил цветы к мемориалу у «Зимней Вишни», люди отреагировали криками: «Нашим детям не нужны его цветы! Им нужен был порядок». Когда вместо того, чтобы выйти на улицу и встретиться с людьми, Путин отправился на совещание, в толпе закричали: «Почему король в тепле? Почему он не хочет нам объяснить, почему все так?». В социальных сетях это раздражение выразилось в распространении «разборов», доказывающих, что пострадавшие, которых Путин навестил в больнице, были подставными [Кравцова 2018, 27 марта].

[27] В качестве доказательства того, что погибших больше, чем объявлено, распространялись: фотография жертв пожара в пермском клубе «Хромая лошадь» 2009 года, фотография жертв пожара в Доме профсоюзов в Одессе 2014 года, а также фотография, на которой у пепелища «Зимней Вишни» лежало нечто темное и бугристое — при определенном ракурсе это напоминало ряд тел в мешках, но впоследствии оказалось неразложенной палаткой МЧС.

[28] Поскольку трагедия произошла ранним вечером в воскресенье, в первый день школьных каникул, а «Зимняя Вишня» была популярным местом семейного отдыха для кемеровчан, людям трудно было поверить, что жертвы исчисляются десятками, а не сотнями.

на автобусах, в городе закончились мешки для трупов, а здание специально оцепили, чтобы скрыть «лишние» тела — их якобы вывезут тайно ночью. Также сообщали, что люди в форме отбирают у владельцев телефоны и берут с очевидцев подписку о неразглашении[29]. Источник одной из фальсификаций хорошо известен: украинский пранкер Евгений Вольнов[30] позвонил в городской морг и, представившись полковником МЧС, спросил, хватит ли места для 300 тел, а также потребовал не позволять ничего снимать СМИ. Однако было бы крайне наивно думать, что один розыгрыш сам по себе может создать вал дальнейших слухов и фальсификаций: другие аудиосообщения, распространяемые вечером 25 марта в мессенджерах и социальных сетях, «свидетельствовали» о том же. Розыгрыш Вольнова оказался одним из многих текстов, распространяемых в это время, и не исключено, что в пранке был использован уже существующий слух.

Мы хотим специально подчеркнуть, что вопрос о том, почему тот или иной автор «свидетельства» преувеличил информацию или создал фальсификат, сам по себе не имеет смысла. Автор мог руководствоваться десятком (если не большим количеством) причин — от желания разыграть людей и посмеяться до стремления заработать. Главный вопрос заключается в том, почему в случае массовых трагедий люди начинают верить таким «свидетельствам», и почему они распространяют их дальше.

Сюжет слухов «власть скрывает истинное количество погибших» возникает, как правило, тогда, когда есть обвинения представителей власти в халатности и коррупции, которые повлекли за собой гибель людей. Так, например, в 2012 году в Крымске произошло наводнение — погиб 171 человек. Общественное мнение обвиняло чиновников в том, что инфраструктура города не была готова к ливневым дождям, а предупреждения о наводнении не были разосланы. В результате появились слухи о том, что погибших гораздо больше и что их тайно вывозят из города в рефрижераторах. Слухи «о подлинном скрываемом числе погибших» суть способ артикулировать настоящее недовольство по поводу неадекватного поведения властей.

Такие слухи вызывают вал негативных эмоций, что только усиливает интенсивность циркуляции текстов. В количественном исследовании фейковых новостей, распространяемых через «Твиттер», проведенном Соруш Возоши, Деб Рой и Синин Арал, убедительно показано, что возникновение негативных эмоций в ответ на фейковую новость значительно повышает вероятность ее распространения [Vosoughi, Roy, Aral 2018]. Соответственно, распространение текстов, вызывающих сильную — и негативную — эмоциональную реакцию, т. е. слухов о большем количестве жертв, о намеренном поджоге и даже о том, что

[29] Например: «#напишут, что люди в форме ходят по квартирам, офисам и другим зданиям, которые находятся рядом с местом трагедии. Просят подписать бумаги о неразглашении, изымают телефоны, камеры и т. д. Очевидцы с места событий сообщают, что у людей, которые стояли в оцеплении, были отобраны телефоны, но сейчас уже вернули» (Телеграм-канал «Кремлевский мамковед» 15:08 26.03.2018).

[30] Настоящее имя — Никита Кувиков.

трагедия была ритуальным жертвоприношением, по сути оказывается способом распространить текст дальше, привлечь внимание к трагедии, убедить собеседника в том, что ситуация требует крайне серьезного отношения, а власти преуменьшают масштаб трагедии:

-***ц, до сих пор горит.

– В морге сказали приготовить 130 мест.

– Да ну н***.

– Данные обновили 170 мест.

– Что пишут о 4х погибших это п***.

– Это погибшие или еще неизвестно.

– Вывозить будут ночью. Это погибшие. Люди которые пошли в кинотеатр выйти не смогли[31].

Потрясение, возмущение и недоверие к заявленному числу погибших были так велики, что 26 марта в соцсетях жителей Кемерово появились призывы выйти на следующее утро на митинг. 27 марта примерно четыре тысячи горожан собрались на главной площади — на площади Советов, где находится здание областной администрации. Почти никто из собравшихся не сомневался, что власти скрывают истинное число погибших[32] — власть слухов и горя оказалась сильнее. Отбросив заграждения, толпа пошла к администрации, скандируя: «Правды! Правды!» [Кравцова 2018, 27 марта]. Их главными требованиями были: проведение открытого расследования причин пожара и обнародование подлинного числа погибших.

Представители администрации реагировали на негодование жителей Кемерово довольно своеобразно. Аман Тулеев не только не пришел на митинг, но и заявил, что на улице собрались не родственники погибших, а «200 бузотёров» из оппозиции [Тулеев 2018, 27 марта]. Вместо Тулеева митинг посетил вице-губернатор Сергей Цивилев, который первым делом обвинил Игоря Вострикова, потерявшего во время пожара жену, сестру и троих маленьких детей, в том, что он «пиарится». На претензию, что власти скрывают истинное число погибших, он ответил: «Не хотите — не верьте». Когда кто-то предложил зайти в администрацию

[31] Личный разговор в WhatsApp в 21:07 25.03.2018.

[32] Потерявший в пожаре всю свою семью кемеровчанин Игорь Востриков, который неожиданно стал лидером митинга, попросил собравшихся показать на пальцах, сколько у них погибло родных — при подсчете всем показалось, что выходит больше, чем объявлено. В толпе включали аудиосообщения из соцсетей, рассказывавшие, что перед приездом Путина все «лишние» тела из местного морга вывезли на хладокомбинат. Мэр Кемерово Илья Середюк предложил горожанам отправить инициативную группу в морг на проверку и даже предоставил им автобус. Когда они, вернувшись, подтвердили, что морге только 64 тела, им, что характерно, никто не поверил. Люди на митинге выкрикивали «Понятно, с тобой там настоятельно поговорили!», намекая на короткую встречу делегации с Путиным. Члены делегации оправдывалась, что они проверили не только сам морг, но и его подвал, чердак и гараж, а также местные хладокомбинат и даже фуры-рефрижераторы (по слухам, «лишние» тела могли хранить там). Они также сетовали, что они не могут проверить морги всей области и тем более соседних регионов. Тогда мэр предложил съездить и на кладбище, чтобы проверить количество приготовленных могил [Кравцова 2018, 27 марта].

за колонкой, чтобы все собравшиеся слышали ответы представителей власти на вопросы, и толпа двинулась к дверям, Цивилев сказал: «Вам что, жертв мало? Не рекомендую», — и кивнул в сторону омоновцев. И наконец, в ответ на крики толпы: «В отставку!» – представительница администрации ответила: «Почему сразу отставка? ‹…› Я не понимаю, почему вы так реагируете. Каждый день умирает много детей. Многие дети, например, умирают от СПИДа» [Кравцова 2018, 27 марта]. Неудивительно, что, когда вице-губернатор[33] попросил прощения у пострадавших, встав на колени, ему закричали: «Это всё театр!» [Тулеев 2018, 27 марта].

Такое противостояние создало у многих зрителей и читателей в социальных сетях ощущение того, что человек в общественном пространстве беззащитен, а власти и владельцы корпораций не готовы отвечать за безопасность граждан. В региональных средствах массовой информации в эти дни публиковалось множество статей о том, какими потенциально опасными могут быть крупные торгово-развлекательные центры в любых городе и области[34]. Люди говорили о том, что «нас и наших детей никто не будет спасать»[35], да и вообще спастись из большинства мест в принципе невозможно. «Если вы живете в квартире, которая находится выше 22-го этажа, то вас точно не станут спасать — просто потому, что у пожарных нет лестниц соответствующей длины», — такие рассуждения встречались в социальных сетях в конце марта — в апреле 2018 года. К тому же у многих жителей России сложилось впечатление, что приоритетом властей является не столько спасение людей, сколько «заработок» на взятках от недобросовестных владельцев зданий. Люди не чувствовали, что государство защищает их безопасность: они видят, что дома построены некачественно, что спасатели плохо оснащены и подготовлены и что приезжают они не вовремя. В результате в соцсетях появилось множество предложений, как организовать самодеятельную проверку городских зданий и как потребовать соблюдения правил пожарной безопасности от тех, кто за это должен отвечать. У людей возникли вопросы не только к владельцам ТЦ и кинотеатров, но и к управляющим компаниям жилых домов. Активно распространялись советы покупать огнетушители, противодымные маски, спасательные тросы для эвакуации через окно и другие средства самозащиты[36]. Публиковались подробные инструкции, как подготовиться к пожару самим и как научить своих детей навыкам выживания в огне и дыму.

Итак, мы видим в конфликте следующие составляющие: не только сам ужас, вызванный трагедией в Кемерово, но и возмущение неспособностью государства обеспечить безопасность людей, неприятие действий

[33] Некоторых людей возмутило даже то, что Цивилев надел белую рубашку: «У нас вообще-то траур!» [Тулеев 2018, 27 марта].

[34] Например, в «Комсомольской правде» Самары появилась статья о том, как журналисты проверяли возможность эвакуации из городских ТРЦ [Агеев 2018, 26 марта].

[35] Недаром у спонтанного мемориала на Пушкинской площади можно было встретить лозунги «Мы все — Кемерово».

[36] В московском театре «Школа драматического искусства» перед спектаклем стали говорить: «Пожарные выходы у нас вот и вот. Надеемся, они вам не понадобятся», — до этого говорили только: «Отключите свои мобильные телефоны».

властей после трагедии, возложение косвенной вины за произошедшее на представителей властных институтов, ощущение незащищенности и страха от нахождения в публичном пространстве. Распространение слухов и требования объявить национальный траур только усиливали массовую вернакулярную мобилизацию граждан. Это привело к тому, что через месяц после трагедии абсолютное большинство россиян, во-первых, знали о трагедии в Кемерово, а во-вторых, были очень консолидированы в обвинении представителей власти. В ходе опроса «Левада-центра» двумя главными причинами произошедшего были названы халатность «владельцев и управляющих торговым центром, которые намеренно игнорировали правила безопасности» (56%) и «отдельных людей, которые не смогли вовремя среагировать и предотвратить жертвы (сотрудников торгового центра, пожарных)» (54%). 51% опрошенных также считал, что не обошлось без «коррупции в государственных органах, ответственных за соблюдение правил безопасности» [Трагедия в Кемерово 2018, 26 апреля].

(Не)объявление траура

Пока кемеровчане наблюдали пожар и проводили митинг у здания администрации, жители всей страны требовали объявить национальный траур. Бурное негодование вызвал тот факт, что 26 марта, когда это было бы уместно, всероссийский траур объявлен не был[37]. Только отдельные города и регионы[38] без «инициативы сверху» объявили днем траура 27 марта. Администрация Рязани сначала объявила траур, а потом, увидев, что общенационального траура нет, убрала соответствующую информацию с сайта правительства области [Власти Рязанской 2018, 27 марта].

Пользователи социальных сетей начали сами транслировать призывы к общегражданскому трауру: уже утром 26 марта в социальных сетях появились фотографии свечей, аватарки с черными квадратами, а также сообщения «я требую национальный траур», «я объявляю траур» или даже «я объявляют траур вместо Путина». В Инстаграме возникает хэштег «#ятребуюнациональныйтраур», под ним в течение 26 марта появилось 537 публикаций. Создаются петиции, призывающие к объявлению траура по всей стране. В частном порядке траур объявляют практически все тематические группы в социальных сетях, а также клубы и кафе[39]. Даже поисковик «Яндекс» закрашивает в черный цвет свой красный логотип.

[37] Отметим, что защитники позиции правительства указывали на неформальную конвенцию, согласно которой национальный траур объявляют только в случае, если количество погибших превышает 100 (по другим источникам — 60) человек. Соответственно, необъявление траура было связано с отсутствием знания о реальном количестве погибших.

[38] 27 марта мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман объявил в своем городе траур. Бурятия, Брянская область и Новосибирск последовали его примеру. Трехдневный траур по погибшим поддержали в Ингушетии, Якутии и Приморском крае.

[39] Например, «Вуди-бар» в Новосибирске вывесил объявление: «Друзья, в ближайшие дни в нашем заведении не будет проводиться развлекательная программа».

Об объявлении общенационального траура на 28 марта стало известно только в середине дня 27 марта[40]. К этому моменту многие россияне уже так или иначе выразили горе и потрясение: поставили на своей странице в социальной сети изображение свечи или поучаствовали в создании спонтанного мемориала. Это и создало разрыв между спонтанными вернакулярными и институциональными формами поминовения. Чем больше государство медлило с объявлением национального траура, тем больше люди утверждались во мнении, что собственная декларация траура и стремление вовлечь в него других людей одновременно являются способами отмежеваться от государства либо выполнить работу вместо него. Таким образом, необъявление официального траура подтолкнуло людей к созданию спонтанных мемориалов, причем в большом количестве.

Возникновение санкционированных и несанкционированных мемориалов

Итак, если резюмировать: что мы должны знать о спонтанных мемориалах, чтобы понять, что произошло с коммеморацией жертв трагедии в Кемерово? Создание спонтанного мемориала представляет собой акт публичного поминовения, совершаемый людьми, которые не опираются на официальные образцы и не руководимы представителями институтов. Он включает в себя три основных измерения высказывания[41]:

- коммеморативное («я помню»),
- политическое («я выражаю протест против того, как не спасли погибших», а также «я чувствую себя незащищенным»),
- выражение локальной идентичности («мы, именно жители района X, хотим помнить жертв трагедии на своей территории»).

Необходимо помнить, что в каждом конкретном случае то или другое измерение высказывания может усиливаться или ослабляться. Естественно, что высокая степень политического измерения связана с недовольством реакцией политической элиты и служб спасения на трагедию в Кемерово, в то время как измерение локальной идентичности зависит от того, насколько жители этой части города чувствуют себя сообществом, имеющим право на собственный голос. В Норильске мемориалы появляются в центре города, на Комсомольской площади, а также в районах Кайеркан и Талнах. Дело в том, что эти два района значительно удалены от центра и, по сути, являются микрогородами. Поэтому каждый норильский мемориал указывает на центр «своего» пространства. В городе Бийске два мемориала возникают в двух вернакулярных центрах города, причем границы этих центров не обозначены на карте: «…у нас город имеет два центра, первый как раз где администрация

[40] В СМИ информация о трауре начала появляться примерно с 13:00 по московскому времени. Например, в 13:15 об этом написала «Медуза» [В России объявлен… 2018, 27 марта].

[41] «Измерениями» (dimensions) перформативность и коммеморацию называет Сантино, когда говорит о том, что их можно рассматривать как две предельные точки континуума, на котором можно разместить любой частный случай [Santino 2006: 12].

и ТЦ «Воскресенье», а второй в районе Площади 9 января, где Городской дворец культуры и раньше был магазин «Детский мир»»[42]. Жители Миасса также создали три мемориала[43], все — в разных районах[44]. Такие мемориалы представляют собой не столько политическое заявление, сколько высказывание о границах своего района, о наличии «города в городе». Подобный мемориал сообщает не о том, о ком мы горюем, а о том, *кто* горюет и *где* он это делает. Мемориал в Машгородке в Миассе твердо заявляет, что существует сообщество жителей этого города, и оно будет публично поминать жертв трагедии на своей территории. Поэтому неудивительно, что 10% от всех мемориалов у памятников (по нашей базе данных) было сделано у скульптурных групп, выражающих локальную идентичность города или района[45].

За период с 26 до вечера 27 марта появилось 70 спонтанных мемориалов в 64 городах, причем в шести городах успело возникнуть по два или даже больше мемориала. Их организаторами были «низовые активисты» (*grassroots activists)* самого разного типа: участники паблика «подслушано у водителей в Рязани» (которые призвали сделать спонтанный мемориал на парковке в ТЦ), активисты штаба Навального в Ярославле, вязальный волонтерский клуб «28 петель» в Тюмени, а также жильцы соседних домов в нескольких городах, создавшие мемориалы на своих детских площадках. В некоторых случаях мемориалы создавали одиночки. Житель города Благовещенска, потрясенный трагедией, сделал такой мемориал и простоял возле него всю ночь с 26 на 27 марта [Благовещенец… 2018, 27 марта].

Вечером 27 марта ситуация резко меняется. Становится широко известно, что президент Путин возложил цветы к спонтанному мемориалу в Кемерово, а 28 марта наконец было объявлено днем официального траура. И вот на этом месте возникает крайне интересная для антрополога ситуация: коль скоро объявлен всероссийский траур (на фоне все чаще звучащих голосов, обвиняющих власти в том, что они уделяют трагедии недостаточно внимания и даже не позволяют людям выражать свою скорбь), то локальные институты — от администрации города или поселка до домов культуры — включаются в публичное выражение скорби. 27 марта в 17:00 проводится широко транслируемая федеральными каналами «акция памяти»[46] на Манежной площади. Даже сам факт анонса акции на Манежной становится примером для властей других городов: десятки городов объявляют о проведении «акций памяти» Кемерово вечером 27 марта.

[42] Е. К., ж., ок. 1984, Бийск.

[43] Т. С., ж., ок. 1969, Миасс.

[44] «Жители Машгородка задолго до назначенного часа приходили к мемориалу “Народу-победителю, народу-созидателю”; старгородцы — к Свято-Троицкому храму» [Слезы, свечи… 2018, 28 марта].

[45] Во Владимире вечером 26 марта у скульптурной композиции «Владимирская вишня» возник спонтанный мемориал [Головинов, Кравцов 2018, 27 марта]. В Мончегорске спонтанный мемориал возник у скульптуры «Лось», в Мурманске у «Кота Семена» — это памятник коту, который пришел в Мурманск пешком из Москвы, где его потеряли хозяева во время поездки.

[46] Отметим, что в официальном языке используется именно привычный термин «акция памяти» — именно так называют официальные мероприятия 9 мая.

И вот власти конкретного города оказываются в точке бифуркации. Строго говоря, к этому моменту спонтанные мемориалы появились в огромном количестве, но представители локальных властных институтов во многих случаях не понимали, как реагировать на подобные траурные практики и какова вообще природа спонтанного мемориала. По крайней мере в одном известном нам случае быстро возникший спонтанный мемориал у кинотеатра в Томске был ночью разобран неизвестными[47].

Наши данные показывают, что представители городской администрации во многих случаях не хотели проводить акции памяти возле спонтанного мемориала, созданного усилиями низовых активистов, и нам исключительно важно понять, *почему*.

Причин тут две — и первая из них политическая. Иногда локальная администрация воспринимает любую гражданскую инициативу как форму протеста, даже когда она ею не является — возможно, потому, что, по их мнению, гражданин не должен проявлять подозрительную агентность. Вторая заключается в том (этому, собственно, и посвящена наша статья), что grassroots-активисты и политическая элита, принимая участие в коммеморативном ритуале, своими акциями создают разные высказывания и во многих случаях не согласны с посланиями друг друга. Ярким исключением является случай Екатеринбурга, где глава города либеральный оппозиционный политик Евгений Ройзман объявил 27 марта траурным днем еще накануне, а помянуть жертв трагедии к спонтанному мемориалу в центре города приходили и официальные лица, и обычные горожане. Надо ли говорить, что второго мемориала в Екатеринбурге создано не было (потому что не было двух конфликтных высказываний со стороны grassroots и местной политической элиты).

Во многих случаях (но не во всех) представители администрации — вместо того, чтобы выступить и помянуть жертв трагедии на уже созданных мемориалах — перешли к стратегии astroturfing'а.

Как мы уже говорили, в некоторых случаях это было присвоение: мемориал начинался как «низовой», а потом официальные лица продолжили его организацию. Так, в Петрозаводске 27 марта днем у «Ротонды»[48] начал складываться стихийный мемориал, где вечером того же дня прошла спонтанная акция памяти, а на следующий вечер на том же месте был проведен официальный «траурный митинг». При этом вполне возможен, хотя и редок, обратный сценарий. В Хабаровске Молодежная Общественная палата запланировала траурную акцию у кинотеатра «Гигант» в 20:00 27 марта и призвала всех прийти к этому времени.

[47] Е.К., ж., 1975, г. Томск.

[48] Ротонда — достопримечательность на набережной Онежского озера в Петрозаводске, построенная (восстановленная) в 1996 году. В 2010-е годы она стала традиционным местом для стихийной коммеморации, а камень у ее подножия получил народное название «камня скорби», поскольку именно к нему приходили жители города, желающие почтить память жертв терактов и катастроф. Так, в 2011 году у Ротонды возник стихийный мемориал после авиакатастрофы в Бесовце, летом 2016 года петрозаводчане приносили к ней цветы, свечи и игрушки после гибели детей на Сямозере, в апреле 2017 года — после теракта в метро Санкт-Петербурга. Не удивительно, что после трагедии в Кемерово жители Петрозаводска также пошли прежде всего к «Камню скорби». Мэрия же в данном случае, вероятно, не решилась оспаривать выбор места, уже закрепившегося как место стихийной коммеморации в сознании горожан.

Однако жители города не стали дожидаться начала официальной акции и стали создавать мемориал раньше. Об этом написал местный журналист, которого явно удивила такая гражданская активность:

> Однако жители Хабаровска не стали дожидаться вечера, уже с обеда на парапете у кинотеатра стали появляться цветы, игрушки и свечи, по собственной инициативе сюда потянулись люди, целыми семьями, компаниями друзей, было много влюбленных парочек [Кемерово, мы с тобой 2018, 27 марта].

Мемориал по-прежнему один, но он начинался как «инициатива сверху», после чего замысел был перехвачен низовыми активистами, и «акция памяти» стала обычным спонтанным мемориалом.

Тем не менее, нас больше интересуют случаи перехвата, поскольку в этом случае в одном городе возникает несколько разных мемориалов, создающие конкурирующие высказывания. Например, в Москве 26 марта журналисты и активисты Елизавета Сурганова и Филипп Дзядко призвали москвичей помянуть погибших в Кемерово на Пушкинской площади вечером 27 марта. Призыв распространялся в социальных сетях очень быстро, и вскоре стало понятно, что контролировать или запретить стремление большого количества людей публично выразить свои эмоции невозможно — поэтому была реализована стратегия перехвата. Московская мэрия объявила, что в 17:00 (за 2 часа до назначенной grassroots-акции) на Манежной площади состоится «акция памяти». В Омске мэрия города пригласила горожан «на мероприятие в память о погибших в Кемерове 28 марта» (обратим внимание, что в таких приглашениях горожане становятся не активными создателями, но скорее пассивными зрителями), однако многие не согласились ждать. Вечером 26 марта журналистка Наталья Яковлева положила цветы и игрушку, которая держит надпись «Народный траур по безвинно убитым в Кемерове. Кемерово, мы с тобой», на лавочку на Соборную площадь, после чего разместила фотографию этого мини-мемориала в соцсетях [На Соборной площади… 2018, 27 марта]. Именно туда 27 марта начали приносить цветы, и возник спонтанный мемориал.

28 и 29 марта возникает огромное количество мемориалов при поддержке локальных властей. В результате во многих городах вечером 27 марта и 28 марта проходят параллельно две (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Иркутск), а иногда даже три (Новосибирск, Нижний Новгород) акции, одна из которых проводится жителями города через мобилизацию в социальных сетях, а другая — при поддержке или прямо организована мэрией и другими локальными властными институтами.

Для анализа коммеморативных высказываний, которые производятся самим фактом создания мемориала, нам кажется очень важным различать, создан ли мемориал до объявления официального траура вечером 27 марта или после. Мемориалы, возникшие до официального объявления траура только благодаря усилиям низовых активистов, мы называем *несанкционированными мемориалами*. Мемориалы,

созданные, как правило, при поддержке мэрии после 27 марта, когда публичная скорбь была разрешена и даже поощрялась, мы называем *санкционированными мемориалами*. Они отличались даже использованием языковых средств: те коммеморативные действия, которые совершались по инициативе городских властей, назывались «траурный митинг», «акция памяти», «свеча памяти» — последние два термина заимствованы из официального языка коммеморации Великой Отечественной войны. Сами grassroots-активисты называли то, то они создавали, по-другому: «мемориал» или «стихийный мемориал».

Однако мы должны помнить, что наличие нескольких мемориалов в одном городе не всегда есть признак конфликта практик вокруг поминовения. Критерием, на который стоит обращать внимание, является расстояние между мемориалами. Если спонтанные мемориалы в городе значительно между собой разнесены, то, скорее всего, перед нами борьба за локальную идентичность, за право продемонстрировать, что горюют не жители города, а именно конкретное локальное сообщество. Если оба мемориала расположены в центре и между ними от 2 км до 500 метров, то, скорее всего, это мемориалы, отличающиеся по политическому высказыванию — как, например, в Москве (Манежная и Пушкинская площади), в Санкт-Петербурге (Дворцовая площадь и Марсово поле[49]) или во Владимире, где один мемориал был у скульптуры «Владимирская вишня» (26 марта там произошел стихийный народный сход), а второй — у памятника пожарному у пожарной части, где днем 27 марта состоялся официальный траурный митинг.

Чтобы понять, как санкционированные и несанкционированные мемориалы взаимодействовали друг с другом, мы дадим этнографическое описание московского кейса[50], когда вечером 27 марта в непосредственной близости друг от друга (меньше, чем в 2 км) проходили две различные акции памяти.

«Нельзя молчать!»: несанкционированный московский мемориал

27 марта на Пушкинской площади в Москве был организован несанкционированный спонтанный мемориал. Место было выбрано накануне grassroots-активистами. Важно отметить, что в последние три года Пушкинская площадь является местом постоянных оппозиционных митингов, и, возможно, выбор места — это тоже дополнительное политическое высказывание[51].

[49] На Марсовом поле несанкционированную акцию памяти проводили активисты молодежного политического движения «Весна».

[50] Наша исследовательская группа проводила наблюдения на обеих акциях. В статье использованы фрагменты полевого дневника, отражающие наши наблюдения.

[51] На Пушкинской площади проходили митинги, организованные командой Алексея Навального против коррупции 26 марта 2017 года, там же начинался митинг в поддержку Навального 7 октября 2017. Активисты также регулярно выходят к памятнику Пушкину на одиночные пикеты, например, летом 2018 года там неоднократно проводились пикеты в поддержку Олега Сенцова.

Когда мы пришли ровно к обозначенному времени начала акции, там уже находилось огромное количество людей[52] (всего, по нашим наблюдениям, было от десяти до пятнадцати тысяч участников)[53]. Основной мемориал был создан у постамента памятника Пушкину — там люди стояли плотным кольцом. Все прилегающие пространства и пешеходная часть Тверской улицы также были полностью заполнены плотно стоящими людьми. На площадке напротив памятника участники начали выкладывать свечами слово «Кемерово», а по краям толпы — создавать отдельные маленькие мемориалы.

В процесс создания мемориала были в какой-то степени вовлечены все, кто оказался рядом. В то же время довольно быстро стоящие у мемориалов люди начали выполнять различные функции. Одни[54] создавали из свечек гигантскую надпись «Кемерово» и следили за тем, чтобы люди не сломали ее; другие передавали цветы или же просто молча стояли. Первые сильно мерзли, вторые передавали им шарфы и варежки, чтобы они могли согреться. Журналистов не приветствовали и даже оттоняли от «сердца» мемориала, часто делая им замечания, что они стараются «ради красивого кадра».

Кроме того, среди создателей мемориала были и те, кто пришел сделать эксплицитное политическое высказывание[55], хотя другие участники акции были против этого и постоянно делали им замечания. Чем больше времени проходило с начала акции, тем чаще разворачивали плакаты[56]: одни выражали только скорбь[57], другие[58] поднимали вопросы ответственности за трагедию и доверия к власти и официальным источникам информации, третьи идентифицировали говорящего с жертвами пожара («Кемерово — это мы»). Как показывает наша база данных (*Табл. 1*), соотношение коммеморативной и политической составляющей плакатов было практически равным.

Примерно через два часа происходящее на Пушкинской площади стало все больше напоминать оппозиционный митинг. Около 19:45–19:50 часть людей, стоящих у памятника Пушкину, начала кричать: «Власть должна ответить!», «Собянина в отставку!», «Путина в отставку!» и другие лозунги. Волонтеры, строившие мемориал из свечей, запротестовали: «Это акция памяти, не надо кричать!». Мнения людей разошлись: одни кричали: «Нельзя молчать!», — а другие тихо или громко возмущались их поведением. Те участники акции, которые выкладывали надпись свечами, говорили: «Мы помним, пока мы ставим свечи!». Политическая составляющая акции постепенно усиливалась, и так продолжалось еще три часа.

[52] Среди пришедших было много молодежи, но (в меньшем количестве) были и пожилые и люди среднего возраста.

[53] По нашим наблюдениям, на Манежной площади в один момент времени находилось около 200 человек.

[54] Среди них было много участников молодежного политического движения «Весна».

[55] То же самое происходило и в некоторых других городах. Например, посетитель мемориала в Кирове стоял с плакатом: «Простите нас, дети, но взрослые вокруг вас — недоучки, пофигисты и воры» [Коробейникова 2018, 28 марта], в Смоленске девушка стояла у мемориала с плакатом «Почему двери были закрыты?» [Рыжикова 2018, 27 марта].

[56] В отличие от акции на Манежной, где плакаты были только у двух человек.

[57] Например: «Помним. г. Кемерово. 25.03.2018», «Кемерово, Москва скорбит с вами», «Не забудем. 25.03.2018».

[58] «Коррупция убивает», «Виновных — в отставку», «Нельзя молчать!», «Сколько жертв на самом деле?».

Табл. 1. Содержание вербальных плакатов возле спонтанного мемориала на Пушкинской площади 27 марта

идентификация себя с жертвой	7%
скорбь и поминовение	44%
коммуникация с погибшими детьми	9%
выражение недоверия власти	6%
обвинение, протест, требование наказания	34%

Проблема, можно ли делать политическое высказывание эксплицитным во время коммеморативной акции, волновала не только москвичей. В создании спонтанных мемориалов в разных городах проступало сильное перформативное политическое высказывание. Это подчеркивается и большим количеством споров о том, можно ли выкрикивать лозунги и держать плакаты, находясь у спонтанного мемориала. Например, в Архангельске создатели народного мемориала приняли решение не поддерживать никаких политических посланий, поэтому желающие сделать именно такие высказывания стояли в пикете далеко от мемориала. Но несмотря на это, полиция оцепила спонтанный мемориал — памятник поморским женам — видя политическое высказывание в самом акте публичного поминовения не в указанном администрацией месте[59].

«Уберите руки из кармана, вы в кадре»: санкционированный мемориал на Манежной

26 марта москвичи в социальных сетях начали обсуждать, что надо прийти на Пушкинскую площадь 27 марта к 19 часам и почтить память погибших. Когда обсуждение достигло большого масштаба: на мероприятии в фейсбуке, посвященном этой акции, зарегистрировалось днем 27 марта более 12000 человек — мэрия Москвы объявила, что на Манежной площади состоится акция памяти погибших в Кемерово на два часа раньше аналогичной акции у несанкционированного мемориала на Пушкинской.

Как мы уже говорили, спонтанный мемориал создается из приносимых людьми цветов, игрушек, плакатов и других предметов, ассоциирующихся с погибшими. Организаторы акции на Манежной площади пытались воссоздать такие практики, но им это удалось лишь отчасти. Территория мемориала было четко очерчена рамками металлоискателя, а за рамками стояли волонтеры Общественной палаты, которые раздавали всем цветы (гвоздики), свечи и игрушки (часть игрушек была совершенно одинаковой и с не снятыми ценниками), те же волонтеры аккуратно поправляли «подношения» на мемориале. Организаторы

[59] А. Ф., ж., ок. 1992, активист, Архангельск.

Официальный мемориал погибшим на Манежной площади. Фотография В. Лурье.

акции предложили все элементы «спонтанности»: посетитель мемориала брал игрушку и свечу у волонтера и клал на мемориал. Таким образом, пришедший к мемориалу участник оказывался не столько субъектом выражения скорби, сколько объектом. Он принимал те правила поминовения, которые ему предлагали. Такая объективизация подчеркивалась и грамматикой «приглашений», которые рассылала администрация в некоторых других городах, например: «28 марта жителей Усолья-Сибирского *приглашают прийти*[60] на Комсомольскую площадь и почтить память тех, кто погиб при пожаре в городе Кемерово».

На общем фоне пришедших к мемориалу на Манежной бросалось в глаза большое количество организаторов и волонтеров; также были заметны группы студентов и коллективов от предприятий, пришедших возложить цветы и отправиться дальше по своим делам. В некоторых других городах это было еще заметнее. На мемориал в Архангельске, созданный мэрией, отправляли работников госпредприятий за отгул. Неудивительно, что это вызвало резко отрицательную реакцию[61].

Но вернемся на Манежную площадь. Некоторые группы фотографировали своих коллег у мемориала, один человек говорил своим коллегам: «Уберите руки из кармана, вы в кадре». Другой участник, скорее всего, имеющий отношение к организации акции, сетовал по поводу малочисленности людей: «Мы хотели сделать масштабную акцию, но народ не собирается, поэтому оркестра не надо, надо всего два венка,

[60] Выделение курсивом принадлежит авторам статьи.
[61] А. Ф., ж., ок. 1992, активист, Архангельск.

Спонтанная акция памяти погибших на Пушкинской площади. Фотография В. Лурье.

четыре венконосца и пятьдесят возлагателей». Конечно, люди приходили не только группами, были и те, кто приходили поодиночке и семьями, но последних, по нашим наблюдениям, было меньше. Такие люди выделялись на фоне групп не только нестандартными букетами, но и сильной эмоциональной вовлеченностью: несколько человек плакали.

Как правило, те, с кем нам удалось побеседовать[62], не были склонны вкладывать в акт поминовения какое-либо политическое содержание. Например, на вопрос о причинах трагедии нам ответили, что «не нам решать, кто там виноват, и так слишком много ненужной информации, когда у людей горе, когда люди взволнованы, не стоит подогревать интерес к этому еще больший»[63].

Локация в пространстве как высказывание

Как правило, мы воспринимаем как данность, что мемориал (и санкционированный, и несакционированный) возникает в каком-то месте города. Но как люди выбирают это «какое-то место»? Что влияет на их выбор? Будут ли grassroots-активисты создавать свои спонтанные мемориалы там же, где сутками позже возник мемориал, организованный властным институтом? Для ответа на эти вопросы мы проанализировали 335 спонтанных мемориалов в 246 городах.

[62] На интервью соглашались не все, наша группа получила довольно много отказов — отказывался почти каждый второй.

[63] М., ок. 1995, студент, родился в Кемерово. Зап. на Манежной площади 27.03.2019 группой МАФ.

Ответ оказался не самым тривиальным (данные см. в *Табл. 2*): выбор места для создания мемориала напрямую зависит от того, когда мемориал возник — и, соответственно, от того, насколько в его создании участвовали grassroots-активисты. Grassroots-мемориалы, возникшие сразу — еще до признания пожара общероссийской трагедией — в гораздо большей степени тяготеют к тому, чтобы появляться возле центрального[64] городского объекта; причем желательно, чтобы этот объект отсылал к месту трагедии. Такой выбор места, возможно, связан с отсутствием национального траура и отказом признавать вину властей в гибели людей. Создавая мемориал у главных городских объектов, активисты стремятся привлечь к нему максимальное внимание. Поэтому первые спонтанные мемориалы с большей вероятностью появлялись у кинотеатров и крупных торговых центров[65], а также у любых знаков, отсылающих к городу Кемерово[66].

Табл. 2. Предпочтения по месту создания мемориалов в городском пространстве до объявления официального траура (26 марта — 27 марта, 17:00) и после (27 марта, 17:00 — 28 марта)

Количество мемориалов в городском пространстве		
типы объектов (не памятников) в городском пространстве	до объявления официального траура	после объявления официального траура
центральные улицы и площади, административные здания	43%	32%
религиозные объекты	14%	20%
знак, связанный с Кемерово	20%	10%
ТЦ и кинотеатры	17%	10%
образовательно-культурные уч-я	3%	15%
парки и скверы	4%	9%

Примечательно, что если такого знака не было, его создавали искусственно[67]: инициаторы мемориала просто втыкали в снег в публичном пространстве табличку «Кемерово» или сажали на скамейку игрушку, которой давали в руки/лапы табличку с названием города — и этого было

[64] 27 марта в 14:00 в Воронеже на площади Ленина (но не у памятника, а со стороны Никитинской библиотеки) прошла акция памяти, еще до ее начала начал складываться стихийный мемориал [Крымова, Сысоева 2018, 27 марта].

[65] В Томске вечером 26 марта возник стихийный мемориал у ТРЦ «Изумрудный город» [Лобиков 2018, 27 марта]. В Хабаровске днем 27 марта мемориал появился у кинотеатра «Гигант».

[66] В Москве, например, таким знаком оказалось представительство Кемерово, где уже 26 марта появился небольшой спонтанный мемориал.

[67] В городе Ноябрьск (Ямало-Ненецкого АО) на площади Памяти вечером 26 марта был установлен баннер «Кемерово 27.03.2018. Ноябрьск скорбит…». Инициатива принадлежит жителям города, они самостоятельно изготовили баннер, получили разрешение от властей и установили его в центре города [Жители Ноябрьска… 2018, 27 марта]. Вспомним также историю с омской журналисткой, которая создала мемориал, просто посадив на лавочку медвежонка с табличкой «Кемерово».

достаточно. По сути, перед нами метонимия, один из знаков-индексов. Его предназначение — рассказать прохожему о трагедии, напомнить, что она произошла в соседнем городе, в таком же кинотеатре или торговом центре.

Для санкционированных мемориалов, возникших уже в ситуации общенационального траура, такая индексальная связь совершенно не обязательна. Пожар уже признан трагедией, и поздние мемориалы будут появляться в тех местах, за которые ответственна местная администрация — например, возле университетов, домов культуры, театров и школ, или в привычных местах поминовения — храмах и часовнях.

Однако важен не только выбор места в городском пространстве, значимым оказывается и сам тип памятника — об этом свидетельствует настойчивость, с которой grassroots-активисты выбирали одни памятники и игнорировали другие (*Табл.* 3). Несанкционированные мемориалы, возникшие до объявления официального траура, с большей вероятностью (47% против 27%) появляются у памятников, связанных с детьми, материнством и семьей[68] либо с жертвами других катастроф или терактов[69] (9% против 5%). И наоборот, поздние мемориалы скорее появлялись у памятников, связанных с Великой Отечественной войной, другими войнами (41% против 27%), а также у памятников советским деятелям.

Другими словами, несанкционированные мемориалы, метонимически указывающие на детей и матерей, говорят, что эта трагедия касается каждого, кто является родителем или ребенком, и поэтому необходимо предпринять какие-то действия. В отличие от этого санкционированные мемориалы, как правило, созданные по инициативе или при поддержке мэрии, избегали этого послания. Они следовали привычному руслу коммеморации и метафорически вписывали трагедию в привычный нарратив жертв войны и создателей культурного советского мифа.

Эта разница в высказываниях может быть проиллюстрирована следующим примером. В Архангельске мэрия создала санкционированный мемориал и провела «траурное мероприятие» у «Стелы воинской славы», а «низовые» активисты сделали свой мемориал у памятника «поморским жонкам». Некоторые жители города принципиально приносили цветы только ко второму — одних отталкивали организационные усилия мэрии (в частности, тот факт, что стелу заставляли посещать бюджетников), других — военная тематика самого памятника[70].

[68] Так, например, в Тюмени 26 марта стихийный мемориал возник у скульптуры «Мать» на пересечении улиц Свердлова и Комсомольская в сквере около храма Всех святых [Тюменцы несут цветы… 2018, 27 марта]. Позже, днем 27 марта, у этого памятника прошла стихийная акция памяти (более 700 человек участников), без согласования с администрацией, жители договаривались друг с другом в социальной сети «ВКонтакте» [В Тюмени… 2018, 27 марта]. В Йошкар-Оле 26 марта мемориал возник у скульптуры «Счастливая семья» на бульваре Победы, в Архангельске — у скульптуры «Русским женам — берегиням семейного очага» на проспекте Чумбарова-Лучинского.

[69] Днем 27 марта жители Каспийска возложили цветы к памятнику жертвам теракта 9 мая 2002 года [Алиев 2018, 27 марта].

[70] А. Ф., ж., ок. 1992, активист, Архангельск.

Табл. 3. Предпочтения по типу памятников, выбранных в качестве мест создания мемориала, до объявления официального траура (26 марта — 27 марта, 17:00) и после (27 марта, 17:00 — 28 марта)

Количество мемориалов у памятников		
типы памятников	до объявления официального траура	после объявления официального траура
детям, семье, матери	47%	27%
военные конфликты	27%	41%
теракты/невинные жертвы	9%	5%
советские деятели	6%	10%
локальные конфликты	3%*	4%
досоветский период	0%	2%
локальная идентичность	6%	4%

*В Новороссийске с утра 27 марта начал складываться спонтанный мемориал у памятника «Героям, павшим в необъявленных войнах» (он же «Памятник скорбящим ангелам») в парке Фрунзе. В 13:00 там прошла траурная акция [Дьяченко 2018, 27 марта].

Гнев или нейтрализация: личные высказывания на ранних и поздних мемориалах

Мы надеемся, что из предыдущего раздела читателю стало ясно, что мемориалы, возникшие усилиями grassroots-активистов, и мемориалы, возникшие при официальной поддержке властей, своим фактом появления в разных точках городского пространства создают разные высказывания. Так, создатели несанкционированных мемориалов говорят о необходимости помнить Кемерово и подчеркивают свою связь с погибшими, а санкционированные мемориалы используют более традиционный коммеморативный язык и поминают жертв войны. Но эти высказывания не являются вербальными, они возникают за счет фактора выбора места. А кроме этого, участники поминовения в мемориалах высказываются и от себя лично, и этот раздел посвящен тому, как строится их речь.

Зрители (они же участники) несанкционированных мемориалов показывают свои горе и гнев (в том числе и с помощью плакатов), требуют найти и наказать виновников[71]. Они говорят о тех чувствах, которые мы подробно разбирали в разделе «реакция на пожар в "Зимней Вишне"»: о неприятии действий властей по спасению людей, об обвинении в том, что не было сделано все возможное для спасения детей («Дети, простите нас») и о полном ощущении собственной незащищенности (вспомним плакаты «Мы все заперты в контактном зоопарке» и «Кемерово — это мы»). И поскольку, по

[71] Для привлечения максимального внимания в нескольких городах плакаты были оформлены как три билборда из одноименного фильма, получившего в 2018 году премию «Оскар».

сути, спонтанный мемориал есть форма борьбы с причинами трагедии так, как их представляет себе данное сообщество, он требует максимальной публичности и перформативности высказывания: москвичи выложили свечами гигантскую надпись «Кемерово», а жители Челябинска и еще нескольких городов, не удовлетворившись мемориалом, устроили «траурное шествие», чтобы привлечь к коммеморативной акции еще больше людей.

Но вот проходит день или два, и мэрия объявляет, что на месте, где 26 или утром 27 марта горожане создали спонтанный мемориал, будет проведен «траурный митинг» или «акция памяти». Иногда мэрия выбирает для этого новое место и призывает жителей приносить игрушки туда или даже закупает их сама. На траурном митинге выступают официальные лица, а за ними иногда и другие желающие, которые теперь говорят совершенно о другом. О чем именно?

Если создатели и участники несанкционированных мемориалов и своими плакатами, и устно в интервью говорят о том, что они опасаются находиться в общественном пространстве, сообщают об отсутствии личной безопасности и создают лозунги о том, что «мы все — это дети Кемерово», то представители власти — мэр или губернатор — говорят обратное.

Например, в противовес общим утверждениям о плохой и медленной работе пожарных (во время выступлений на митинге в Кемерово, в постах в социальных сетях и во время присутствия у мемориалов), во время санкционированных «акций памяти» часто звучала официальная речь противоположного содержания: «пожарные расчеты работали слаженно и быстро, пристально следя за ситуацией, никто не оставался равнодушным: люди сдавали кровь, помогали эвакуировать граждан — страна сплотилась, люди сплотились, как это уже бывало»[72].

Если участники несанкционированных мемориалов требуют наказать виновных (см. надпись на плакате «Кто убил наших детей?»), то глава Северодвинска, выступающий на митинге, говорит, что, наоборот, «нет смысла искать фамилии, имена тех виновных»[73].

Посетители несанкционированных мемориалов говорят о том, как власти не спасли детей. Например, участник спонтанного мемориала на Пушкинской площади в Москве сказал: «Я считаю, что в любом случае в этой трагедии виновата власть — как минимум, их региональная, а так это везде повсеместно так работают»[74]. Напротив, в официальных речах у санкционированного мемориала появляются нарративы о том, как «мы» спасали детей во время предыдущих катастроф. Выступая на траурном митинге у мемориала, созданного мэрией в Петербурге, протоиерей Вячеслав Харинов произнес целую речь, в которой попытался вписать жертв кемеровского пожара в ряд сакральных жертв Второй мировой войны. Если мы не будем знать, что эта речь по сути своей является попыткой нейтрализации общественных настроений, то мы вообще не поймем, зачем ее надо было произносить:

[72] Студент магистратуры Орловского государственного аграрного университета [Памяти погибших… 2018, 27 марта].

[73] Игорь Скубенко, глава муниципального образования Северодвинск. Речь на траурном митинге 27 марта 2018 года (расшифровка речи, произнесенной во время выступления).

[74] М., ок. 1990. Зап. на Пушкинской площади 27.03.2018 группой МАФ.

> Было бы странно, если бы сегодня нас здесь не было, это был бы не Петербург ‹…› Мы сформировали удивительный город. ‹…› Мы создали город, который сыграл особую роль в советский период, ни один город мира не знал такой статистики индустриализации и мобилизации, как наш город. Мы сделали удивительное во время войны: в три периода эвакуации мы смогли спасти сначала 700, потом более 550, потом около 440 тысяч наших жителей, мирных граждан. И около 400 из них дети. Мы постарались спасти всех, кого только могли. Мы никогда не забудем то, что мы дали фронту Волковскому, Ленинградскому, 144 тонны блокадной ленинградской крови. Мы всегда были с нашей страной, и наш город удивителен по отношению к тому, что происходит в стране, мы не могли бы не быть здесь сегодня[75].

Некоторые представители власти встраивают трагедию в Кемерово в историческую парадигму — например, они, как процитированный выше протоиерей («И сегодня Санкт-Петербург вместе с Кемерово. Как много-много лет назад, когда Кемерово помогало и спасало наших детей во время блокады»), рассуждают о социальной пользе катастрофы: «Беда учит нас многому, но самое главное — она сплачивает всех нас, чтобы мы становились лучше, чтобы мы извлекали уроки из каждой беды»[76].

Высказывания у несанкционированных мемориалов, свидетельствующие о горе и гневе, нейтрализуются в речах официальных лиц. Иногда траурный митинг у официального мемориала становится не просто нейтрализацией недовольства и возмущения, но и призывом к мобилизации через общее горе и единению с правителем:

> Сложно, трудно нам сейчас всем, но мы должны сплотиться, так как сплотились совсем недавно, когда выбирали нашего президента, нашего верховного главнокомандующего — мы были рядом, мы были вместе, и я надеюсь, что и вновь, и сегодня мы также будем рядом, мы также будем вместе[77].

Наконец, если участники спонтанных мемориалов говорят о своем страхе и чувстве незащищенности в публичных местах, то представители властей используют свои мемориалы для того, чтобы в формате отчета убедить в своей заботе:

> В соответствии с решением генерального прокурора у нас в Архангельской области уже начата работа по подготовке проведения состояния мер безопасности во всех торговых центрах, развлекательных центрах, мы согласовали с прокуратурой, что все торговые центры пройдут тотальную проверку на соответствие мерам безопасности[78].

> И сегодня на заседании правительства, губернатор города дал указание еще и еще раз проверить и торговые центры, и детские учреждения, и больницы. Мы должны сделать всё, чтобы большая беда не пришла и в наш город[79].

[75] Вячеслав Харинов, протоиерей [Выступление… на Дворцовой площади 2018, 27 марта].

[76] Обе цитаты — из выступления в Санкт-Петербурге вице-губернатора Константина Серова [Выступление… на Дворцовой площади 2018, 27 марта].

[77] Анатолий Сухоруков, союз ветеранов (речь целиком). Траурный митинг в Орле, расшифровка [Памяти погибших… 2018, 27 марта].

[78] Игорь Орлов, губернатор Архангельской области, речь на траурном митинге у стелы «Архангельск — город воинской славы» [Митинг памяти… Архангельск 2018, 27 марта].

[79] Вице-губернатор Александр Говорунов [Выступление… на Дворцовой площади 2018, 27 марта].

Табл. 4. О чем говорят участники санкционированных и несанкционированных мемориалов

Основные мотивы, звучащие в текстах участников несанкционированных мемориалов	Основные мотивы, звучащие в речах выступающих на санкционированных мемориалах
Неприятие действий служб спасения и властей после трагедии	Выражение благодарности властям и службам спасения
Ощущение незащищенности и страх находиться в публичном месте	Отчет о предпринятых мерах по обеспечению безопасности
Ощущение бессмысленности и трагической случайности произошедшего	Вписывание жертв трагедии в историческую парадигму «сакральных жертв войны»
Власть не спасла детей	Примеры того, как властные институты спасали детей
Призыв к протесту	Призыв к мобилизации и единению вокруг властей

Итак, официальные речи у санкционированных мемориалов тоже являются политическими высказываниями, но говорят они совершенно о другом, нежели мемориалы «низовые» (общую структуру высказываний см. в *Табл. 4*). Вместо неприятия действий служб спасения и властей после трагедии они высказывают в их адрес благодарность. Ощущение незащищенности и страха находиться в публичном месте, транслируемое участниками grassroots-мемориалов, нейтрализуется в «отчетах» официальных лиц о предпринятых мерах по обеспечению безопасности в общественных местах. Возмущение действиями властей и призывы наказать виновных конвертируются в призывы мобилизоваться вокруг фигуры центрального лидера. Ощущение бессмысленности и трагической случайности произошедшего встраивается в более привычную парадигму «сакральных жертв войны». Именно поэтому санкционированные мемориалы в 47% случаев появляются именно у памятников участникам и жертвам войны, что на 14% больше, чем среди неофициальных мемориалов.

Подобное противопоставление мемориалов, указывающее на серьезное социальное и политическое несогласие — очень редкий случай, хотя и не уникальный: вспомним описанную Джоном Боднаром [Bodnar 1992] конфликтную ситуацию с мемориалом в честь погибших во Вьетнаме.

Заключение: когда говорят города

Джек Сантино и его последователи считали, что люди создают коммеморативное и политическое высказывание своим участием в создании мемориала — самим фактом принесения игрушки или фотографии. Несомненно, возникновение после трагедии в Кемерово 335 мемориалов как минимум в 246 населенных пунктах — причем 70 из них появились до объявления официального траура — это не только симптом того, что люди хотят публично скорбеть по жертвам страшной трагедии, но и сильнейшего социального напряжения.

Однако наша работа позволяет сделать серьезное дополнение к теории Сантино: высказывание создается не только фактом появления в пространстве города, но и фактом выбора места и объекта в городском пространстве. О трагедии говорят не только люди, о ней говорят и города, точнее, объекты в городе. Вернемся еще раз к тому, как все это начиналось. Вот кто-то приносит цветы, игрушку и надпись «Кемерово», например, на скамейку в парк. А кто-то другой приносит то же самое к мэрии (в одной только в Москве мы зафиксировали семь подобных мини-мемориалов). Один активист призывает прийти к памятнику Пушкину, а другой — к зданию представительства Кемерово. Но потом один мемориал увеличивается, а другой умирает. Люди (в том числе и представители властных институтов) *выбирают место* для поминовения, которое позволяет создать правильное высказывание — можно сказать, что само место диктует это высказывание. Не потому ли на московскую коммеморативную акцию на Пушкинскую площадь пришло так много людей, что эта площадь является местом постоянных протестных митингов?

С помощью *места и выбора объекта* мемориалы говорят со зрителями, но говорят они о разном. Созданные grassroots-активистами несанкционированные мемориалы гораздо чаще возникали в центре города или района, у знака, связанного с Кемерово или с местом трагедии, у памятников матери, детям, семье. Такое послание сообщает о том, что трагедия касается всех — нас самих, наших детей и родителей: «Мы все — Кемерово». Санкционированные мемориалы (часть из которых возникла в результате перехвата) появлялись скорее у административных зданий и чаще использовали «историко-героическую» смысловую парадигму, вписывая погибших в число «сакральных жертв» Великой Отечественной войны. Причина этого — в двух моделях «правильной» реакции на национальное горе: если одна модель подразумевает солидаризацию с жертвами трагедии и протест против причин, из-за которых она стала возможной, то вторая требует от участников поминовения не столько солидаризироваться с жертвами, сколько выразить лояльность и мобилизоваться вокруг властных институтов.

Литература

Агеев, М. (2018, 26 марта). «Некуда бежать»: в Самаре может повториться пожар в ТРЦ «Зимняя Вишня» в Кемерово. *Комсомольская правда – Самара*. Режим доступа: https://www.kem.kp.ru/daily/26810.5/3846567/

Алиев, Т. (2018, 27 марта). Жители дагестанского Каспийска почтили память погибших в Кемерове. *Российская газета*. Режим доступа: https://rg.ru/2018/03/27/regskfo/zhiteli-dagestanskogo-kaspijska-pochtili-pamiat-pogibshih-v-kemerove.html

Архипова, А. С., Кирзюк, А. А., Козлова, И. В. (2018, 7 мая). *«Культ предков» или «культ порядка»: День победы в городе N:* Доклад на круглом столе «День победы как праздник и протест» (6.05.2018, ШАГИ РАНХиГС). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=S0toQTBfFXg&t=90s

Белянин, С. В. (2019). «Монстрация» как текст и ритуал 2008–2018. Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация). М.: РГГУ.

Благовещенец организовал стихийный мемориал в память о погибших в Кемерове (2018, 27 марта). *Amur.info*. Режим доступа: http://www.amur.info/news/2018/01/27/136337

В Москве 12 июня пройдет марш в поддержку Ивана Голунова. (2019, 10 июня). *Forbes*. Режим доступа: https://www.forbes.ru/obshchestvo/377535-v-moskve-12-iyunya-proydet-marsh-v-podderzhku-ivana-golunova

В России объявлен национальный траур по погибшим при пожаре в Кемерово. (2018, 27 марта). *Meduza.* Режим доступа: https://meduza.io/news/2018/03/27/putin-ob-yavil-natsionalnyy-traur-po-pogibshim-pri-pozhare-v-kemerovo)

В Тюмени прошел стихийный траурный митинг в память о погибших в Кемерове (2018, 27 марта). *ИА REGNUM*. Режим доступа: https://regnum.ru/news/society/2396842.html

Власти Рязанской области объявили траур по жертвам пожара в Кемерово. А потом передумали. (2018, 27 марта). *Meduza.* Режим доступа: https://meduza.io/news/2018/03/27/vlasti-ryazanskoy-oblasti-ob-yavili-traur-po-zhertvam-pozhara-v-kemerovo-a-potom-peredumali

Выступление на траурном митинге 27 марта 2018 на Дворцовой площади (расшифровка записи). (2018, 27 марта). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Mw9TWYHxFY0&t=305s).

Головинов, С., Кравцов, С. (2018, 27 марта). Точки траура. *Зебра ТВ.* Режим доступа: https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/tochki-traura/

Гофман, И. (2004). Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта [Пер. с Goffman, I. (1974). *Frame analysis: An essay on the organization of experience.* Cambridge, MA, US: Harvard University Press.]. М.: Институт социологии РАН; Фонд «Общественное мнение».

Дьяченко, М. «Дети, простите...»: как в Новороссийске прошел траурный митинг в память по погибшим в Кемерово. *Наша газета. Новороссийск*. Режим доступа: https://ngnovoros.ru/posts/deti-prostite-kak-v-novorossiyske-proshel-traurnyy-miting-v-pamyat-po-pogibshim-v-kemerovo

Жители Ноябрьска несут цветы к стихийному мемориалу погибшим в Кемерове. *Ноябрьск 24.* Режим доступа: https://noyabrsk24.ru/novosti/2018/03/27/zhiteli-noiabr-ska-nesut-tcvety-k-stikhiinomu-memorialu-pogibshim-v-kemerove/

«Иван Голунов — это писатель, что ли?». Как на проспекте Сахарова прошел митинг «За закон и справедливость для всех». (2019, 10 июня). *Meduza*. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2019/06/16/ivan-golunov-eto-pisatel-navernoe

Ивитс, Э. (2018, 2 апреля). Путин под давлением: почему пожар вредит ему больше, чем «дело Скрипаля». *InoPressa*. Режим доступа: https://www.inopressa.ru/article/02Apr2018/stern/kemerovo_2.html

Кемерово, мы с тобой: сотни хабаровчан пришли на акцию в память о трагедии на Кузбассе. (2018, 27 марта). *AmurMedia*. Режим доступа: https://amurmedia.ru/news/680171/

Коробейникова, А. (2018, 28 марта). «Кемерово здесь!» Как прошла акция памяти в Кирове и что изменила трагедия в жизни кировчан. *Свойкировский.рф*. Режим доступа: https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/kemerovo-zdes-kak-proshla-akciya-pamyati-v-kirove-i-chto-izmenila-tragediya-v-zhizni-kirovchan-23163/

Кравцова, И. (2018, 27 марта). «Мы все заперты в этом зоопарке»: Кемерово после пожара. *Meduza.* Режим доступа: https://meduza.io/feature/2018/03/27/my-vse-zaperty-v-etom-zooparke

Крымова, Д., Сысоева, А. (2018, 27 марта). Сотни воронежцев цветами и игрушками почтили память жертв пожара в Кемерове. *Вести. Воронеж*. Режим доступа: https://vestivrn.ru/news/2018/03/27/sotni-voronezhtsev-tsvetami-i-igrushkami-pochtili-pamyat-zhertv-pozhara-v-kemerove_2018-3-27_16-40/

Лобиков, Н. (2018, 27 марта). Сотни томичей почтили память погибших при пожаре в ТЦ «Зимняя Вишня» в Кемерово. *Новости. Vtomske.ru*. Режим доступа: https://news.vtomske.ru/news/152514-sotni-tomichei-pochtili-pamyat-pogibshih-pri-pojare-v-tc-zimnyaya-vishnya-v-kemerovo

Митинг памяти трагедии Кемерово. Архангельск. (2018, 27 марта). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=BCBPEa1Rwgs

На Соборной площади возник стихийный мемориал. (2018, 27 марта). *БК 55*. Режим доступа: https://bk55.ru/news/article/122763/

Остин, Д. (1999). *Избранное: как производить действие при помощи слов*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.

Памяти погибших в Кемерово — митинг в Орле. (2018, 27 марта). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Bh-rLsQhjN4

Руководители «Медузы» предложили отменить акцию 12 июня. (2019, 10 июня). *Russia Region Press*. Режим доступа: http://russiaregionpress.ru/archives/318044

Рыжикова, Л. (2018, 27 марта). В Смоленске прошла акция памяти жертв кемеровской трагедии. *Смоленская народная газета*. Режим доступа: http://smolnarod.ru/photo_news/v-smolenske-proshla-akciya-pamyati-zhertv-kemerovskoj-tragedii/

Слезы, свечи, игрушки, цветы: в Миассе прошла акция памяти погибших в Кемерово (2018, 28 марта). *U74*. Режим доступа: https://u74.ru/news/obshhestvo/miass/slezy-svechi-igrushki-cvety-v-miasse-proshla-akcija-pamati-pogibshih-v-kemerovo-24011.html

Соколова, А. Д. (2014). Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива». *Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 32*(1), 67–106.

Трагедия в Кемерово (2018, 26 апреля). *Левада-центр*. Режим доступа: https://www.levada.ru/2018/04/26/tragediya-v-kemerovo/

Тулеев извинился перед Путиным за пожар в Кемерово: «Спасибо великое». (2018, 27 марта). *MK.RU*. Режим доступа: https://www.mk.ru/politics/2018/03/27/tuleev-izvinilsya-pered-putinym-za-pozhar-v-kemerovo-spasibo-velikoe.html

Тулеев не приехал на место пожара в Кемерово, чтобы не мешать спасателям (2018, 26 марта). *Newsru.com*. Режим доступа: https://www.newsru.com/russia/26mar2018/tuleevne.html

Тулеев: в Кемерове собрались «200 бузотеров». (2018, 27 марта). *BFM.RU*. Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/380819

Тюменцы несут цветы к памятнику матери в память о жертвах в Кемерово (2018, 27 марта). *72.RU. Тюмень онлайн*. Режим доступа: https://72.ru/text/gorod/413442762919938.html

Ханней, А., Леймер, К., Лоури, Дж. (2016). Спонтанная мемориализация: насильственная смерть и нарождающийся траурный ритуал. *Археология русской смерти, 2016*(3), 113–124.

Bodnar, J. (1992). *Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century*. New Jersey: Princeton UP.

Carlson, A. C., Hocking, J. E. (1988). Strategies of redemption at the Vietnam veterans' memorial. *Western Journal of Speech Communication, 52*(3), 203–215.

Jorgensen-Earp, C. R., Lanzilotti, L. A. (1998). Public memory and private grief: The construction of shrines at the sites of public tragedy. *Quarterly Journal of Speech, 84*(2), 150–170.

Margry, P. J., Sánchez-Carretero, C. (2011). Rethinking memorialization. The concept of grassroots memorials. In P. J. Margry, C. Sánchez-Carretero (Eds.). *Grassroots memorials: The politics of memorializing traumatic death*, 1–50. New York-Oxford: Berghahn Books.

Milošević, A. (2018). Historicizing the present: Brussels attacks and heritagization of spontaneous memorials. *International Journal of Heritage Studies, 24*(1), 53–65.

Santino, J. (2006). Performative commemoratives: spontaneous shrines and the public memorialization of death. In J. Santino (Ed.). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, 5–15. New York: Palgrave Macmillan.

Senie, H. F. (2006). Mourning in protest: Spontaneous memorials and the sacralization of public space. In J. Santino (Ed.). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, 41–56. New York: Palgrave Macmillan.

Vakhshtayn, V., Bardina, S., Stepantsov, P. (2015). Russian optimism in a time of crisis. *Russia Direct Report: Decoding Social Transformations in Russia*. Retrieved from http://www.russia-direct.org/archive/russia-direct-report-decoding-social-transformations-russia

Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, *359*(6380), 1146–1151.

Walker, E. (2014). *Grassroots for hire: Public affairs consultants in American democracy*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

References

"Is Ivan Golunov a writer, or who?" How the rally "For Law and Justice for All" was held on Sakharov Avenue (2019, June 10). *Meduza*. Retrieved from https://meduza.io/feature/2019/06/16/ivan-golunov-eto-pisatel-navernoe (In Russian).

A march in support of Ivan Golunov will be held in Moscow on June 12 (2019, June 10). *Forbes*. Retrieved from https://www.forbes.ru/obshchestvo/377535-v-moskve-12-iyunya-proydet-marsh-v-podderzhku-ivana-golunova (In Russian).

A rally in memory of the Kemerovo tragedy. Arkhangelsk (2018, March 27). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=BCBPEa1Rwgs (In Russian).

A resident of the city of Blagoveshchensk organized a spontaneous memorial in memory of the victims of the fire in Kemerovo (2018, March 27). *Amur.info*. Retrieved from http://www.amur.info/news/2018/01/27/136337 (In Russian).

A spontaneous memorial arose on Cathedral Square (2018, March 27). *BK 55*. Retrieved from https://bk55.ru/news/article/122763/ (In Russian).

A spontaneous mourning rally in memory of the victims of the fire in Kemerovo was held in Tyumen (2018, March 27). *IA REGNUM*. Retrieved from https://regnum.ru/news/society/2396842.html (In Russian).

Ageev, M. (2018, March 26). "Nowhere to run": in Samara, a fire can happen just like it did in the Kemerovo shopping center "Winter Cherry". *Komsomolskaya Pravda – Samara*. Retrieved from www.samara.kp.ru (In Russian).

Aliev, T. (2018, March 27). Residents of the Dagestan city of Kaspiysk paid tribute to the victims of the fire in Kemerovo. *Russian Newspaper*. Retrieved from https://rg.ru/2018/03/27/reg-skfo/zhiteli-dagestanskogo-kaspijska-pochtili-pamiat-pogibshih-v-kemerove.html (In Russian).

Arkhipova, A. S., Kirzyuk, A. A., Kozlova, I. V. (2018). *"Cult of ancestors" vs. "cult of order": Victory Day in the city of N: Round table discussion "Victory Day as a festival and as protest "* (6.05.2018, Schools of Advanced Studies in the Humanities RANEPA). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=S0toQTBfFXg&t=90s (In Russian).

Austin, J. (1999). *Selected works: How to do things with words*. Moscow: Idea-Press; Intellectual Book House. (In Russian).

Belyanin, S. V. (2019). "Monstration" as a text and as a ritual 2008–2018. Graduate thesis (master's thesis). Moscow: RSUH. (In Russian).

Bodnar, J. (1992). *Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century*. New Jersey: Princeton UP.

Carlson, A. C., Hocking, J. E. (1988). Strategies of redemption at the Vietnam veterans' memorial. *Western Journal of Speech Communication, 52*(3), 203–215.

Dyachenko, M. (2018, March 27). "Kids, we're sorry…": how a mourning rally in memory of victims of a fire in Kemerovo was held in Novorossiysk. *Our Newspaper. Novorossiysk*. Retrieved from https://ngnovoros.ru/posts/deti-prostite-kak-v-novorossiyske-proshel-traurnyy-miting-v-pamyat-po-pogibshim-v-kemerovo (In Russian).

Goffman, I. (2004). *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; "Public Opinion" Foundation. (In Russian).

Golovin, S., Kravtsov, S. (2018, March 27). Points of mourning. *Zebra TV*. Retrieved from https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/tochki-traura/ (In Russian).

Hanney, A., Leimer, C., Lowry, J. (2016). Spontaneous memorialization: Violent death and the emerging mourning ritual. *Archeology of Russian Death, 2016*(3), 113–124. (In Russian).

In memory of those who perished in Kemerovo — a meeting in Orel (2018, March 27). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=Bh-rLsQhjN4 (In Russian).

Ivits, E. (2018, April 2). Putin under pressure: why the fire harms him more than the "Skripal affair". *InoPressa*. Retrieved from https://www.inopressa.ru/article/02Apr2018/stern/kemerovo_2.html (In Russian).

Jorgensen-Earp, C. R., Lanzilotti, L. A. (1998). Public memory and private grief: The construction of shrines at the sites of public tragedy. *Quarterly Journal of Speech, 84*(2), 150–170.

Kemerovo, we are with you: hundreds of Khabarovsk residents came to the rally in memory of the tragedy in Kuzbass (2018, March 27). *AmurMedia*. Retrieved from https://amurmedia.ru/news/680171/ (In Russian).

Korobeynikova, A. (2018, March 28). "Kemerovo is here!" How the memory action in Kirov was held and what the tragedy changed in the life of the Kirovites. *Kirov-Portal.ru*. Retrieved from https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/kemerovo-zdes-kak-proshla-akciya-pamyati-v-kirove-i-chto-izmenila-tragediya-v-zhizni-kirovchan-23163/ (In Russian).

Kravtsova, I. (2018, March 27). "We are all locked up in this zoo": Kemerovo after the fire. *Meduza*. Retrieved from https://meduza.io/feature/2018/03/27/my-vse-zaperty-v-etom-zooparke (In Russian).

Krymova, D., Sysoyeva, A. (2018, March 27). Hundreds of Voronezh residents honored the victims of the fire in Kemerovo with flowers and toys. *Vesti. Voronezh*. Retrieved from https://vestivrn.ru/news/2018/03/27/sotni-voronezhtsev-tsvetami-i-igrushkami-pochtili-pamyat-zhertv-pozhara-v-kemerove_2018-3-27_16-40/ (In Russian).

Lobikov, N. (2018, March 27). Hundreds of Tomsk citizens commemorated the victims of the fire in the "Winter Cherry" shopping center in Kemerovo. *News. Vtomske.ru*. Retrieved from https://news.vtomske.ru/news/152514-sotni-tomichei-pochtili-pamyat-pogibshih-pri-pojare-v-tc-zimnyaya-vishnya-v-kemerovo (In Russian).

Margry, P. J., Sánchez-Carretero, C. (2011). Rethinking memorialization. The concept of grassroots memorials. In P. J. Margry, C. Sánchez-Carretero (Eds.). *Grassroots memorials: The politics of memorializing traumatic death*, 1–50. New York-Oxford: Berghahn Books.

Milošević, A. (2018). Historicizing the present: Brussels attacks and heritagization of spontaneous memorials . *International Journal of Heritage Studies, 24*(1), 53–65.

National mourning for the victims of the fire in Kemerovo declared in Russia (2018, March 27). *Meduza*. Retrieved from https://meduza.io/news/2018/03/27/putin-ob-yavil-natsionalnyy-traur-po-pogibshim-pri-pozhare-v-kemerovo (In Russian).

Residents of the city of Noyabrsk carry flowers to the spontaneous memorial to the victims of the fire in Kemerovo (2018, March 27). *Noyabrsk 24*. Retrieved from https://noyabrsk24.ru/novosti/2018/03/27/zhiteli-noiabr-ska-nesut-tcvety-k-stikhiinomu-memorialu-pogibshim-v-kemerove/ (In Russian).

Ryzhikova, L. (2018, March 27). In Smolensk, an event was held in memory of the victims of the Kemerovo tragedy. *Smolensk people's newspaper*. Retrieved from http://smolnarod.ru/photo_news/v-smolenske-proshla-akciya-pamyati-zhertv-kemerovskoj-tragedii/ (In Russian).

Santino, J. (2006). Performative commemoratives: spontaneous shrines and the public memorialization of death. In J. Santino (Ed.). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, 5–15. New York: Palgrave Macmillan.

Senie, H. F. (2006). Mourning in protest: Spontaneous memorials and the sacralization of public space. In J. Santino (Ed.). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, 41–56. New York: Palgrave Macmillan.

Sokolova, A. D. (2014). Spontaneous memorialization in the urban landscape: the case of the Yaroslavl "Lokomotiv". *State, religion, church in Russia and abroad. 32*(1), 67–106. (In Russian).

Speech at the mourning rally on March 27, 2018 in Palace Square (transcript). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=Mw9TWYHxFY0&t=305s (In Russian).

Tears, candles, toys, flowers: a memorial event was held in Miass in memory of those who perished in Kemerovo (28.03.2018). *U74*. Retrieved from https://u74.ru/news/obshhestvo/miass/slezy-svechi-igrushki-cvety-v-miasse-proshla-akcija-pamati-pogibshih-v-kemerovo-24011.html (In Russian).

The authorities of the Ryazan region declared mourning for the victims of the fire in Kemerovo (2018, March 27). And then changed their mind. *Meduza.* Retrieved from https://meduza.io/news/2018/03/27/vlasti-ryazanskoy-oblasti-ob-yavili-traur-po-zhertvam-pozhara-v-kemerovo-a-potom-peredumali (In Russian).

The leaders of "Meduza" proposed to cancel the event on June 12 (2019, June 10). *Russia Region Press*. Retrieved from http://russiaregionpress.ru/archives/318044 (In Russian).

The tragedy in Kemerovo (2018, April 26). *Levada-Center*. Retrieved from https://www.levada.ru/2018/04/26/tragediya-v-kemerovo/ (In Russian).

Tuleyev apologized to Putin for the fire in Kemerovo: "Thank you so very much" (27.03.2018). *MK.RU*. Retrieved from https://www.mk.ru/politics/2018/03/27/tuleev-izvinilsya-pered-putinym-za-pozhar-v-kemerovo-spasibo-velikoe.html (In Russian).

Tuleyev did not come to the scene of a fire in Kemerovo, so as not to interfere with rescuers (2018, March 26). *Newsru.com.* Retrieved from https://www.newsru.com/russia/26mar2018/tuleevne.html (In Russian).

Tuleyev: "200 troublemakers" gathered in Kemerovo (2018, March 27). *BFM.RU*. Retrieved from https://www.bfm.ru/news/380819 (In Russian).

Tyumen residents carry flowers to the mother monument in memory of the victims in Kemerovo (2018, March 27). *72.RU. Tyumen online.* Retrieved from https://72.ru/text/gorod/413442762919938.html (In Russian).

Vakhshtayn, V., Bardina, S., Stepantsov, P. (2015). Russian optimism in a time of crisis. *Russia Direct Report: Decoding Social Transformations in Russia*. Retrieved from http://www.russia-direct.org/archive/russia-direct-report-decoding-social-transformations-russia

Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, *359*(6380), 1146–1151.

Walker, E. (2014). *Grassroots for hire: Public affairs consultants in American democracy*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.